

Иван Беляев

Галобионты

Иван Беляев

Галобионты

«Научная книга»

Беляев И.

Галобионты / И. Беляев — «Научная книга»,

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	38
ГЛАВА 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Иван Беляев

Галобионты. Пришествие

ГЛАВА 1

Температура воды в море была не слишком холодной – около четырех градусов. На глубине движения АПЛ царил непроглядный мрак.

Их было трое. Двое плыли вместе, третий держался чуть поодаль. Он наблюдал за двумя, плывущими впереди, и руководил их действиями. Почти не рассеивающийся длинный узкий луч освещал два существа с хвостовыми плавниками с мощными лопастями, которые неторопливо вздымались вверх-вниз, грудными плавниками, слегка подрагивающими в такт движению, и спинным плавником, описывающим пологие дуги.

Приглядевшись внимательнее, можно было рассмотреть, что вместо хвостов плывущие имели пару ног, со ступнями в виде ласт. Плавники крепились к телу при помощи кожаных ремней, располагаясь к телу пловцов под углом 30 градусов.

Приблизившись к объекту на расстояние, достаточное, чтобы слышать шум двигателей, тройка остановилась. На груди у каждого имелось приспособление, позволяющее пропускать сквозь себя ультразвуковые сигналы, посылаемое с субмарины активными сонарами. К спинам всех троих были прикреплены объемистые квадратные предметы с присосками.

Ста шестидесяти двух метровая подводная лодка «Антей» водоизмещением 15200/24900 тонн, находилась на глубине около ста пятидесяти метров и двигалась со скоростью двадцать восемь узлов в час.

Необходимо было, чтобы скорость уменьшилась хотя бы до двадцати узлов, только в этом случае они могли подплыть к ней, не рискуя попасть под один из двух семилопастных винтов. Приходилось действовать почти вслепую, поскольку аппаратура, имевшаяся в их распоряжении, не могла быть использована на полную мощность, чтобы их не засекали эхолоты. Все трое были связаны между собой тонкими, но очень прочными и длинными лесками – это был их единственный способ сообщения. Конец каждой лески крепился к взрывным устройствам, имевшимся у всех троих пловцов.

Прошло более двух часов утомительного сопровождения подлодки, прежде чем она начала сбавлять скорость.

Главный из тройки дал команду двум остальным. Они разошлись в разные стороны. Сам он направился вперед, к носовой части субмарины, где располагались торпедный отсек, аккумуляторные ямы, и гидроакустическая станция. Основной удар предполагалось нанести именно по этой части АПЛ.

Вскоре к носовой части подлодки в центре и по обеим сторонам были прикреплены магнитные бомбы. Главный из тройки первым достиг гигантской скалы, за которой они должны были укрыться от взрыва. Вскоре к нему присоединился второй участник операции. Они замерли в ожидании сигнала от третьего, однако его все не было.

Истекали драгоценные секунды. В любую минуту субмарина могла начать подъем. В этом случае их ждала полная неудача. Главный поднес к глазам часы, решив ждать еще не более трех минут и после этого, несмотря ни на что, привести в действие взрывной механизм.

По плану необходимо было произвести три взрыва. Этого должно было хватить на то, чтобы сдетонировали торпеды, находящиеся в первом отсеке субмарины.

Внутренний взрыв должен был разрушить не менее шестидесяти процентов АПЛ, чтобы исключить возможность того, чтобы находящиеся внутри успели загерметизировать хотя бы один отсек. В противном случае хорошо оснащенный экипаж, имея в распоряжении аварийный

запас продуктов и одежды, спасательные комплекты СП-60 и ИДА-59, баллончики с гелием, устройства РДУ с таблетками У-3, с помощью которых можно дышать, вполне был способен выбраться наружу посредством аварийных буюв.

Секундная стрелка в третий раз достигла цифры 12. Главный из тройки, так и не дождавшись появления последнего, изо всех сил дернул за леску.

Через несколько секунд он всем своим существом ощутил раздавшийся мощный взрыв. Прижавшись к скале, они ждали второго взрыва, который не замедлил последовать спустя полминуты. Оставался еще один. После этого можно было считать, что они справились с поставленной перед ними задачей. Главный из тройки знал наверняка, что третьего пловца уже нет в живых. Он сыграл роль камикадзе.

«Это даже к лучшему, – подумалось ему, – меньше потом будет возни. Только бы не сорвался последний...»

Однако третий взрыв так и не прозвучал. Главный из тройки дал знак своему товарищу отправиться к подлодке. Тот безропотно подчинился и вскоре вернулся с сообщением, что лодка опускается на дно.

Прижавшись к скале, они ждали результата своих действий. По предварительным подсчетам торпеда должна была сдетонировать секунд через десять после первого взрыва пластиковой бомбы. Пловец представил себе, что сейчас происходит в первом отсеке. Торпеды неминуемо должны отреагировать на столь сильную встряску. Вопрос заключался только в том, когда это произойдет.

Главный из тройки с неприязнью ощутил, как к нему в страхе прижимается второй пловец. Он брезгливо одернул руку.

Это случилось спустя пятьдесят две секунды после того, как взорвалась первая пластиковая взрывчатка. Этот, последний, взрыв был такой силы, что пловцов, если бы они находились у ближайшего к подлодке склона скалы, сплющило бы, словно растопленный кусок воска.

Теперь к месту падения лодки направились оба оставшихся в живых пловца. Громадное сооружение из сверхпрочного металла лежало, зарывшись искореженным носом в морской ил. Это было жуткое зрелище, которое не могло не потрясти воображения. Видимо, сила падения была мощнейшей. Низ субмарины оказался несколько сплюснутым. Не было ни малейших сомнений в том, в подлодке не осталось ни одного живого человека – слишком мощным был второй взрыв.

Оплывая субмарину и осматривая результаты своих трудов, главный из тройки пловцов подумал о том, что, судя по всему, удалось обойтись и двумя взрывами, однако это не повлияло на ход его мыслей и ничуть не изменило намерения наказать провинившегося как только они отплывут подальше от этого места. Но прежде чем удалиться, нужно было проверить состояние АСЛ – аварийно-спасательного люка, чтобы исключить возможность свободного всплытия тех подводников, которые могли уцелеть.

У пловцов был абсолютно однозначный приказ – убедиться в том, чтобы ни одна душа не смогла выбраться из субмарины наружу. По крайней мере живой.

Зеркало АСЛ – стальное покрытие, к которому в случае аварии должны были присосаться пилоты спасательных подводных снарядов, оказалось хотя и треснутым, но вполне пригодным к исполнению своей функции. Следовательно, его необходимо было разрушить, чтобы не только закрыть выход подводникам, но и затруднить спасателям доступ внутрь подлодки.

Главный из тройки послал на это задание своего второго подручного. Сам же он стал измерять радиационный фон в воде вокруг АПЛ, чтобы проверить, не повреждены ли атомные реакторы.

Радиационный фон составлял 3 микрорентгена в час. Это не представляло опасности для жизни и говорило о том, что отсеки номер 5 и 5-bis не претерпели необратимых разрушений и

атомные реакторы, скорее всего, остались нетронутыми. Значит, они выполнили свою работу достаточно чисто, чтобы пославшие их остались довольны.

Главный пловец поджидал своего выжившего напарника у той самой скалы, где они ждали взрывов. На сей раз он ждал здесь подручного, чтобы умертвить его. На то было несколько оснований.

Прежде всего, пловец номер два не справился с возложенной на него задачей – он не сумел как следует закрепить бомбу на левой стороне носовой части подлодки. Именно поэтому не последовало третьего взрыва. Им повезло, что получилось обойтись и двумя, но это нисколько не умаляло ответственности нерадивого пловца. Его совершенно не интересовали причины, по которым подручный не смог закрепить бомбу на обшивке АПЛ. Он должен был это сделать, но не сделал, и его следовало наказать.

Была и еще одна, не менее веская причина. Они не располагали аппаратами, необходимыми для осуществления подготовки к всплытию с такой большой глубины. Следовательно, его товарищ был обречен испытать декомпрессионную болезнь или, что еще вероятнее, сильнейшую баротравму легких. Разумеется, это было не смертельно, но все же достаточно мучительно. Поэтому, с его точки зрения, а равно с точки зрения пославших их людей, он поступал едва ли не гуманно, оказывая бедняге услугу, избавив его от физических страданий.

Кроме того, туда, куда собирался главный из тройки, мог направляться только он один, без какого бы то ни было сопровождения. От второго подручного удалось избавиться сразу – это существенно облегчало задачу, так как с одним совладать было гораздо легче, чем с двумя.

Главный из тройки почувствовал подергивание лески – возвращался напарник. Удостоверившись, что стакан аварийно-спасательного люка деформирован настолько, что через него практически невозможно выбраться наружу, он дал команду плыть по направлению к северу.

Прошло долгих восемнадцать часов, прежде чем они отплыли на такое расстояние от места взрыва, чтобы главный пловец приступил к осуществлению своего намерения.

Это было похоже на заклание. Измученный напарник почти не оказал сопротивления. Перерезав ему горло, главный подтащил труп к пещерке, расположенной на склоне небольшой подводной горы, которую он заранее присмотрел для этой цели. Отодвинув большой, плотно пригнанный камень, пловец извлек из пещеры маленькую полиэтиленовую сумку, после чего втиснул внутрь труп убитого пловца. Водрузил на прежнее место камень, пристегнул сумку к поясу и отправился дальше.

Этот пловец тоже очень устал, но у него еще оставались силы, чтобы принять концентрат мощного энергетического средства УФ-11, провоцирующего выброс гликогена – вещества, имеющего в своем составе сахар и глюкозу. Мышцы, получив такую сильную подпитку, налились новыми силами. Теперь он готов был без отдыха проплыть еще не один десяток километров.

* * *

Москва. Начало девяностых.

«Смутные времена настали», – говорили все. Так считали и политики, и горожане, и крестьяне, и военные. Так говорили и директора заводов и домохозяйки, учителя средних школ и преподаватели высших учебных заведений. Эти слова то и дело слышались на заседаниях Государственной Думы, в Верховном Совете и даже в администрации Президента Российской Федерации. До поры, до времени помалкивали об этом лишь в КГБ, но только до тех пор, пока эту организацию, пережившую не одно правительство, не затронули перемены.

Уже состоялась передача денежных средств и имущества КПСС и Компартии РСФСР правительству РФ и произошло это 4 января 1992 года по Постановлению Совета Министров. А следом, десять дней спустя, 14 января, отмена Конституционным судом Указа Президента

России «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел». Еще через десять дней, 24 января, было создано Министерство безопасности РФ на базе Агентства федеральной безопасности и Межреспубликанской службы безопасности.

Когда 11 февраля того же 1992 года было подписано соглашение Комитета по делам архивов при правительстве России и Национального архива США о возвращении Смоленского портархива, чекисты присоединили свои голоса к общему хору, согласившись с единым мнением о том, что настали смутные времена.

Кто-то поспешно собирал манатки и старался исчезнуть подобру-поздорову, дабы не попасть под каток «машины новой власти», кто-то энергично приспосабливался к новому положению вещей, на всех перекрестках крича о том, что этот порядок является единственно правильным и самым желаемым.

Наиболее прозорливые не спешили делать ни того, ни другого, понимая, что рано или поздно смутные времена закончатся и тогда они смогут взять реванш. Эти самые предусмотрительные люди вели себя очень спокойно, не пытались выделиться, умудряясь оставаться на шатких нейтральных позициях, при этом не входя в когорту беспринципных перевертышей-флюгеров.

«Лес рубят – щепки летят», – гласит старинная русская пословица. То же в полной мере касалось и происходившего в структурах Безопасности в те смутные годы. Летела пыль с многочисленных папок, вслед за ней слетали со своих мест многочисленные чины всевозможных рангов. Это было еще не самое страшное. Некоторые оказывались на скамьях подсудимых, кое-кто, вдруг потеряв сознание в собственном кабинете, обнаруживал себя на больничной койке в постинфарктном состоянии. А самые прозорливые жили и вели себя спокойно и ровно, не бросаясь ни в какие крайности, берегли себя и свои, тяжелым трудом заработанные, погоны.

Таких было немного. Пожалуй, эти самые прозорливые составляли меньшую часть тех, кто отдал лучшие годы служению родине. Но именно они, с честью сумев пережить смутные времена, впоследствии упрочили свое положение и стали вершителями чужих судеб.

Одним из таких был человек, который в разгар смутных времен вместо того, чтобы отсидеться где-нибудь на загородной даче, явился в здание Комитета Безопасности, в котором он уже успел проработать с добрый десяток лет.

Шел уже 1993 год. Стояло жаркое лето. Жаркое во всех отношениях. 28 июля был опубликован указ Президента об отстранении В. Баранникова*** от должности министра безопасности РФ. Следом вышло постановление Президиума ВС РФ о незаконности освобождения Баранникова***. Все говорило за то, что не за горами грандиозное событие, после которого судьба чекистов кардинально переменится.

В первой декаде августа ожидался визит в Москву директора ЦРУ США Дж. Вулси***. При известии об этом во всех кабинетах Безопасности началась самая настоящая чистка, которую изобретательные служаки тотчас же окрестили генеральной уборкой.

Не миновала чаша сия и майора, которого коллеги по работе давно привыкли называть Дзержинцем. Когда-то, еще на первых ступеньках карьерной лестницы, кто-то из высшего начальства окрестил молодое пополнение, прибывшее на стажировку, «юными дзержинцами». Их, неоперившихся еще продолжателей дела Железного Феликса, было ровно десятеро. К разгару смутных времен уцелел лишь один – истинный Дзержинец.

Полгода назад один из его недостаточно осмотрительных коллег пошутил в курилке по поводу того, что грядут времена, когда отечественная служба безопасности начнет на полном серьезе официально сотрудничать с ЦРУ. Шутника сняли с должности и усадили на периферию за два месяца до предстоящего визита директора центрального разведывательного управления США Бейси.

Оставалось еще шуткануть о том, что пройдет год-другой и руководство распорядится размонтировать всю подслушивающую аппаратуру в здании посольства США в Москве.

Дзержинец был не из тех, кто хохотал с долей истерии, выдвигая версии одну фантастичнее другой. Времена настали смутные, рушился весь более чем полувековой уклад, следовательно, дело могло принять любой оборот и смеяться тут было совершенно не над чем.

Само собой разумеется, Дзержинец не кричал об этом на всех перекрестках. Он вообще не имел такой привычки – высказывать свое мнение кому бы то ни было. Когда-то еще в далекой молодости один из его бывших сокурсников со смехом сказал ему: «По сравнению с тобой сфинкс – болтун». Дзержинец лишь пожал плечами, он не любил шуток, ни добрых, ни злых.

Но однажды настал момент, когда ему нужно было слегка подшутить. Это было жарким летом девяносто третьего, когда в здании Безопасности царила суета и несвойственная этому месту неразбериха.

Он приехал туда ночью и почти не удивился, увидев, что двери всех кабинетов приоткрыты, а по коридорам в разные стороны снуют люди. Готовились к переселению в другое здание, расположенное всего в нескольких кварталах. Но подготовка к этому мероприятию больше напоминала эвакуацию перед бомбежкой. Накануне пришла негласная директива произвести внутреннюю ревизию, подготовить всю документацию к предстоящему переезду.

Служащие поняли эту директиву по-своему. Зная, что новая метла метет по-новому, они спешно избавлялись от всех бумаг, которые не использовались в текущих делах.

Многое было вывезено и отправлено в неизвестном направлении еще до назначения Баранникова***. Еще больше папок нашло свой конец в кострах на заднем дворе, горевших целую ночь. Оставалось только удивляться, сколько центнеров макулатуры миновало бумажную промышленность, превратившись в груды золы, развеянной по ветру.

Дзержинец, как всегда с непроницаемым видом, наблюдал за происходящим в стенах здания, в котором он проработал столько лет. Пожалуй, он был единственным, кто не испачкался в пыли и в саже в ту странную сумасшедшую ночь на второе августа девяносто третьего.

Он приехал к зданию на трамвае, прошел мимо центрального входа, вошел в открытые ворота, миновал двор и оказался внутри через запасной вход. Не воспользовавшись лифтом, поднялся на четвертый этаж. Коридор был почти пустым, к этому времени здесь уже закончили «чистку». Дзержинец знал об этом лучше, чем кто-либо другой, но нимало не был смущен.

В конце длинного коридора, усыпанного смятыми клочками бумаг и прочим мусором, располагалась дверь в крошечный кабинет, обойденный вниманием других сотрудников. В нем находился всего один сейф, который даже не запирался на кодовый замок, поскольку считалось, что в нем лежит абсолютно несущественная информация. Этот сейф планировалось вывезти утром и перевезти в новое здание, водрузив его в такой же малоприспособленный для работы кабинет где-нибудь в конце коридора на четвертом этаже.

Если бы кто-то узнал, что Дзержинца интересует содержимое именно этого сейфа, он был бы очень удивлен. Здесь располагались папки с документами, на которых стоял гриф: «Проекты». Самая свежая документация из этого сейфа была датирована восемьдесят пятым годом. Никто не сомневался, что она уже давно устарела и утратила какую-либо значимость. Только один человек, Дзержинец, придерживался по этому поводу иного мнения.

В том, что он шел сейчас посреди ночи по пустынному коридору здания Безопасности с намерением заглянуть в никому не нужный сейф, был повинен Его Величество случай. Это случилось четырнадцать с половиной лет тому назад, в 1979-ом.

Однажды шеф поручил ему, тогда еще лейтенанту, просмотреть кое-какие документы, находящиеся в архиве. Дзержинцу уже давно хотелось ознакомиться с содержимым таинственного сейфа в четыреста тридцать девятом кабинете на четвертом этаже. Теоретически он мог бы сделать это гораздо раньше – Дзержинец к тому времени уже проработал в здании семнадцать месяцев. Но практически это было неосуществимо – не полезешь же безо всякого повода в кабинет, где тебе вроде бы совершенно нечего делать! Что же до архива, то он был изучен Дзержинцем вдоль и поперек. Посему, выслушав приказ начальства, лейтенант бодрой поход-

кой направился на четвертый этаж. На случай, если кто-нибудь станет расспрашивать, какого черта он претя наверх, когда архив у них располагается на цокольном этаже, он всегда мог бы сказать, что его послал шеф. Генерал действительно допустил случайную оговорку, сказав «поднимись наверх» вместо «спустись вниз».

Собственно говоря, он и сам не мог бы сказать, чего ради предпринимает эту экспедицию в никому ненужный, вечно захламленный четыреста тридцать девятый кабинет. Просто у него был такой принцип: никогда не пренебрегать возможностью выяснить что-то новое. Так учили наставники. Возможно, они имели в виду несколько иные вещи, но это было не столь важно. Гораздо более значительным ему представлялось то, что такая политика всегда действовала безотказно.

И все же Держинец старался не бросаться в глаза своим сослуживцам. Это было бы лучше всего, поскольку он избежал бы лишних расспросов. Улучив момент, Держинец деловой походкой вошел в незапертый пустующий кабинет и поставил перед дверью стул, чтобы любой, кому взбредет в голову заглянуть сюда, был задержан хотя бы на какое-то на время.

Чтобы не запачкать обшлага рукавов, Держинец обернул их двумя носовыми платками (он никогда не носил с собой меньше двух носовых платков), так был человеком весьма предусмотрительным. И поступил очень даже правильно, так как в сейфе скопилось невероятное количество пыли. Просматривая одиннадцатую по счету папку, он уже начал спрашивать себя, не пора ли ему бросить это неблагоприятное и, скорее всего, дурацкое занятие?

В папках были собраны документы, касавшиеся всевозможных фантастических или лучше сказать бредовых проектов, предлагаемых разными непризнанными гениями из всех областей. К примеру, в первой подшивке Держинец наткнулся на выкладки одного доморощенного изобретателя, уверявшего, что при соответствующем финансировании, сопоставимым с субсидированием тогдашней системы здравоохранения, он сможет произвести вечный двигатель. Прилагалось даже несколько схем.

Следующая папка посвящалась изобретению устройства, позволяющего преодолеть силу земного притяжения. В третьей были собраны материалы о телепортационной камере.

Все это напоминало изыски писателей-фантастов, причем, довольно бездарных писателей. Кроме проектов в каждой папке обязательно наличествовали документы, посвященные автором супербезумных проектов. В большинстве своем это были люди, не занимающиеся этим в специализированных местах: научно-исследовательских институтах или, на худой конец, в лабораториях промышленных предприятий. Они творили в гаражах, сараях, либо попросту в собственных многострадальных квартирах.

А на заметку их брали после того, как они начинали говорить о своих изысканиях достаточно громко для того, чтобы ими заинтересовались иностранные спецслужбы. Быстренько проверив и убедившись, что все это совершеннейшая чепуха, «изобретателей» оставляли в покое, а сведения о них собирали в этот самый сейф.

Не имея обыкновения останавливаться на полпути, Держинец добросовестно просматривал одну за другой папки, аккуратно составляя их быстро растущую стопку. Он не предполагал, что на это занятие уйдет так много времени, а ему еще нужно было попасть в архив. За стеной в коридоре слышались чьи-то торопливые шаги. Держинец замер. Приподняв дверцу сейфа, чтобы она не закрипела, он очень медленно и осторожно закрыл его и зашел за стоявший рядом несгораемый шкаф. Эта предосторожность оказалась лишней – в кабинет так никто и не вошел. Но Держинец не спешил выходить из своего укрытия – открыв предпоследнюю, одну из самых пухлых папок, он полностью погрузился в чтение.

В папке была собрана информация, касавшаяся некоего ученого-генетика, занимавшегося сращиванием клеток различных живых организмов. Термин «трансгенные животные» ничего не сказал Держинцу, но тем не менее, ознакомляясь с материалами, он, тогда еще

молодой лейтенант, почувствовал, как у него засосало под ложечкой от предчувствия стоящей находки.

Эти документы отличались от всех просмотренных ранее тем, что здесь автор изобретения не предлагал свои услуги ни правительству, ни человечеству. Он-то как раз и не торопился докладывать о результатах своих разработок в области генной инженерии и молекулярной биологии. Зато Антоном Николаевичем Степановым – так звали исследователя – занялся некий резидент. К материалам прилагалось несколько фотографий, сделанных в ресторане. Держжинец внимательно рассматривал Степанова, очкарика лет тридцати пяти с глубокими залысинами и оттопыренными ушами. В этом неказистом с виду человеке присутствовало нечто такое, благодаря чему Держжинец вполне мог бы поверить, что видит гения. Напряженный взгляд водянистых круглых глаз, вертикальная морщинка на лбу, тонкие сжатые губы... В чертах этого бесцветного лица ощущалась глубокая мысль, недоступная пониманию обычного человека.

Чем дальше читал Держжинец, тем сильнее его охватывало волнение. Особенно его впечатлила информация о том, что Степанов занимается преимущественно водными, а конкретно, морскими обитателями. Сам Держжинец некоторое время пробыл в дельфинарии одного южного курортного города. Его очень интересовали исследования в этой области, и он вполне серьезно относился к возможности привлечения дельфинов к каким-либо ответственным военным операциям. Последняя докладная записка гласила, что Степанов в данный момент работает в лаборатории НИИ Биологии в Москве.

Держжинец аккуратно положил папку на место, просмотрел для полного душевного спокойствия последнюю папку с материалами о размножении бактерий в вакууме, после чего запер сейф и осторожно вышел из кабинета.

Две недели он прорабатывал свой план, изучал все, касавшееся Степанова. Получилась папка, вдвое превышающая объемом найденную в четыреста тридцать девятом кабинете. И только после этого Держжинец заговорил об ученом со своим непосредственным начальником.

Нельзя сказать, что шеф воспринял инициативу своего ретивого подчиненного с большим восторгом. Скорее наоборот, он долго и слышать не хотел ни о каком Степанове. Однако, Держжинец не относился к тем, кто отступает от задуманного, натолкнувшись на первое же препятствие. Без преувеличения можно сказать, что Держжинцу пришлось совершить подвиг, сравнимый с подвигами Геракла или Самсона. Но как бы там ни было, он своего добился. Именно ему, хотя и негласно, принадлежала заслуга создания секретной лаборатории при том самом дельфинарии, в котором Держжинцу когда-то довелось побывать.

Первые годы Держжинец тщательно курировал деятельность своего подопечного. Начальник тоже живо интересовался исследованиями биолога. Но потом пришла первая волна смутных времен, именуемая в Новейшей истории Перестройкой. И всем стало все равно, что где творится. Главная проблема сузилась до самых мелких масштабов: удержаться на насиженном месте. Это удалось далеко не всем. Кстати, шеф Держжинца слетел одним из первых. Сам он благополучно сумел дослужиться сначала до капитана, потом – до майора, а в 1990-м году ему присвоили звание подполковника.

Он не сомневался, что переживет вторую, и самую большую волну, смутных времен так же успешно, как и первую – у него не было для этого никаких оснований. Напротив, Держжинец был уверен в себе на все сто процентов. Он знал, что сможет добиться очень многого и уверенно шел к своей цели, преспокойно наблюдая за теми, кто, идя с ним бок о бок, срывался вниз и бесследно исчезал где-то вдалеке, моментально вылетая из памяти своих бывших коллег.

Держжинец не сомневался также, что совершает единственно правильный поступок. Впоследствии, по прошествии многих бурных лет, ему не раз доводилось утверждаться в верности своего поступка.

Жаркой душной августовской ночью девяносто третьего года по коридору четвертого этажа здания Безопасности спокойной, но решительной походкой шел Дзержинец – сухощавый мужчина, небольшого роста, крепкий и энергичный. Никто не обратил внимания, что в запыленном сейфе в углу четыреста тридцать девятого кабинета стало на одну папку меньше.

* * *

Он плыл очень быстро, быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Хозяин говорил ему однажды, что он использует далеко не все возможности своего организма. И только теперь он поверил в это.

Усталости не ощущалось. Напротив, ему казалось, что он безо всякого труда способен проплыть еще многие километры. Но ему больше не нужно было плыть. Теперь он должен был идти. Ноги, ступая по холодному сырому песку, с непривычки подворачивались. Однако он знал, что скоро это пройдет.

После неприятно теплой воды прохладный воздух взбодрил его. Он всегда предпочитал теплу холод. Накрапывал холодный мелкий дождь. Капли стекали по его нагим плечам, наводя на мысль о том, что необходимо позаботиться об одежде. Не то, чтобы ему не нравилось ощущать на своем теле покалывание дождевых струй, просто он хорошо помнил, что людям свойственно прятаться от дождя, а значит, ему следовало поступать также.

Он был сильно голоден. Пожалуй, никогда раньше организм не требовал пищи так настоятельно. Это чувство не столько раздражало его, сколько приносило удовольствие от предвкушения наслаждения – не зря он столько времени берег аппетит.

Было и еще одно удивительное, но довольно приятное чувство. Он сам не мог объяснить себе его природу. Сердце поминутно учащало биение. Дыхание вдруг обрывалось, а по телу пробегала странная мелкая дрожь.

«Что это? – думал он, шагая по мокрому песку. – Страх? Нет, не похоже. Усталость? Нет, я совсем не устал, в этом я уверен...»

Удивительное чувство то ослабевало, то нарастало с еще большей силой, заставляя его снова и снова искать объяснение.

Вдруг ему почудилось, что он нашел отгадку.

– Это нетерпение, – в голос произнес он и отшатнулся от звука собственного голоса – таким непривычно громким он показался.

– Да, это нетерпение, – повторил он, наслаждаясь тем, что может так явственно слышать себя, – я очень хочу поскорее оказаться в Большом Городе.

Стоило ему произнести эти слова, как сердце вновь подскочило к самому горлу, кровь ударила в голову, вызвав ощущение тепла на щеках. Если бы он мог видеть себя со стороны, то заметил бы, как покраснели его смуглые щеки.

Где-то в глубине его существа смутно шевельнулось осознание того, что его внутреннее состояние никак нельзя назвать похвальным.

– Так не должно быть! – сказал он, сдвинув густые черные брови.

Он не знал, как, собственно, должно быть, равно как не имел представления о том, как быть не должно. Это еще более обескураживало и раздражало.

– Нельзя быть бесчувственным, – говорил Хозяин, – но надо уметь всегда держать свои чувства под строжайшим контролем.

Ему казалось, что нет ничего легче этого. Гораздо труднее, на его взгляд, было продержаться две, а то и три недели без пищи, терпеть невыносимый холод или другие лишения. А тут получается, что какое-то детское волнение выбивает его из колеи, выделявая с сердцем всякие непонятные штуки.

Раздражение усиливалось, и, наверное, именно по этой причине он и был так беспощадно свиреп с теми людьми, которых увидел на берегу. Это были рыбаки. Двое мужчин, довольно пожилых. Тот, что повыше, – сухопарый и совершенно лысый. Капюшон матросского бушлата то и дело сваливался с его головы, открывая блестящую от дождя плешь.

Второй был невысоким коренастым brunetом. На его голове красовалась военного образца фуражка с погнутым козырьком.

Разумеется, это были рыбаки. Он уже успел повидать немало людей, проводящих массу времени за смешным занятием: удить рыбу при помощи этих смешных длинных приспособлений. Рассмотрев их, он решил, что размеры обоих будут для него вполне подходящими.

Мужчины тащили черную надувную лодку. Едва завидев оранжевую легковушку старой модели, он ринулся обратно в воду, так как на пустынном берегу спрятаться было абсолютно негде. Да и совладать с ними будет легче в воде, решил он, погружаясь в посеревшую от дождя морскую гладь.

Он дождался, пока рыбаки, достигнув берега, усядутся в лодку и отплывут на порядочное расстояние. Потом решил действовать.

Вынул из-за кожаного пояса нож с длинным немного изогнутым лезвием и, зажав его в правой руке стремительно поплыл к лодке. Когда над головой показалось черное днище, он занес руку и проткнул его ножом, располозовав почти надвое. Раздались крики. Он вынырнул, ухватившись за борт, проткнул ближайший к нему баллон. Несколько мгновений хватило на то, чтобы продырявленный борт сдулся и лодка почти полностью погрузилась под воду. Один из рыбаков ухватился за уцелевший баллон, второй барахтался рядом.

Все еще не понимая, в чем дело, рыбаки продолжали кричать во весь голос. Ближе к нему находился сухопарый. Он схватил его за капюшон бушлата и притянул к себе. Его глаза встретились с диким взглядом, в котором стояло испуганное недоумение.

На мгновение его охватила нерешительность. Рука с ножом, занесенная над рыбаком, замерла. Оказалось вдруг, что убить человека сложнее, чем существо, не обладающее способностью смотреть на тебя осмысленным взглядом. Неизвестно, чем бы закончилось дело, если бы не рука сухопарого, впившаяся ему в горло. Стряхнув ее с себя, словно детскую ручонку, он, не медля больше ни секунды, вонзил лезвие ножа прямо в сонную артерию мужчине.

Потом перевел взгляд на другого. Тот, как оказалось, все это время наблюдал за происходившим на его глазах закланием. Рот коренастого перекосялся, блекло-серые глаза округлились, превратившись в блюдца.

По-прежнему держа убитого за капюшон, он двинулся ко второй жертве. Однако применить нож ему не пришлось. Коренастый зашелся было в жутком вопле, но, оборвав его, внезапно погрузился в воду. Когда он подплыл ко второму рыбаку и вытащил его из воды, тот был уже мертв. Видимо, скончался от страха.

Он вытащил мертвых на берег, швырнул их на песок и бросился обратно в воду за лодкой. Нужно было действовать быстро, поскольку, несмотря на раннее утро, на берегу могли появиться другие люди. А убивать еще кого-либо не входило в его планы. По крайней мере, пока.

Он раздел мертвецов донага, после чего перебрал их одежду и обувь, примеряя на себя то одно, то другое. Ему несказанно повезло, что один из рыбаков оказался высоким, а второй – плотным. Сапоги сухопарого, как и свитер коренастого, пришлись ему как раз в пору. Основная проблема заключалась в брюках: одни были слишком узки, другие едва доходили до щиколоток. Наконец, и эта проблема была решена. Натянув сапоги с длинными голенищами, он обнаружил, что в этой обуви невозможно определить длину его штанов и остановил свой выбор на брюках коренастого – в них, по крайней мере, он мог вполне комфортно передвигать нижними конечностями.

Обшарив карманы убитых, он обнаружил в них связки ключей, всякие мелочи непонятного назначения и деньги в бумажниках, которые даже не успели промокнуть. Сложив все это в карманы бушлата сухопарого, он принялся за другое важное дело. Нужно было как можно скорее избавиться от трупов. Хозяин постоянно повторял им, что они не должны оставлять за собой никаких следов. Два мертвых тела, одно из которых было продырявлено его ножом, условно являлись следами. И нужно было их, как это говорил Хозяин? Их нужно было замести.

Взяв весло, он принялся выкапывать в песке яму. Дело спорилось, песок был рыхлым и глубоким. Через некоторое время ему удалось выкопать достаточно вместительную яму. Скинув в нее трупы, он накрыл их резиновой лодкой и забросал песком, не забывая посматривать по сторонам. Пока ему везло – на берегу никто не показывался. Покончив с ямой, он осмотрелся, убрал последние следы и поспешил к машине.

Какая жалость, что Хозяин не взял на себя труд обучить их вождению автомобилей. Ему совсем не помешало бы это умение.

А теперь, помимо того, что придется тащиться пешком невесть сколько, еще нужно позаботиться и об этой старой рухляди, которая стоит на виду и наверняка привлечет к себе внимание всякого, кто окажется на берегу.

Автомобиль стоял на обочине узкой дороги. Прошагав по ней несколько десятков метров, он увидел, что в одном месте она круто поворачивает вправо, огибая довольно высокий обрывистый берег. Вернувшись к машине, он дотолкал ее до поворота, скинул с дороги. Раздался страшный грохот, пенистые брызги окатили его с головы до ног, но это было не страшно, так как он все равно промок до нитки. Оранжевая крыша автомобиля скрылась в серой морской воде.

Теперь, когда следы были замечены, ничто не мешало ему отправиться в путь. А путь его лежал в Большой Город. Он уже ощущал ни с чем несравнимое дыхание Большого Города – целого мира, манящего и пугающего одновременно.

Печатая шаги в тяжелых сапогах, он думал о том, что все прошло на удивление легко. Впрочем, он в этом и не сомневался. Почти. Но это не в счет. Главное, что он сумел сделать первый шаг. Дальше все пойдет гораздо легче. В этом он был уверен.

Вскоре дождь перестал. Выглянувшее октябрьское солнышко начало неспеша высушивать на нем одежду. Это ему не очень понравилось. Становилось жарко и душно. Захотелось вернуться на берег и броситься в воду. Однако он тут же с ожесточением отбросил эту мысль, показавшуюся ему малодушной.

Чем ближе он подходил к Большому Городу, тем сильнее ощущался особый, исходящий от него тяжелый дух. На миг ему даже показалось, что дышать становится все труднее, но вскоре он понял свою ошибку. Воздух проникал в легкие так же легко, как и всегда, но был довольно тяжелым. Чувствовалось, что в нем недостает кислорода, а наличествуют другие составные части, не особенно пригодные для вдыхания.

Хозяин говорил об этом неоднократно. И все-таки ему не верилось, что в больших городах так плохо обстоит дело с воздухом. У него совершенно не укладывалось в голове, как это может быть, чтобы люди не заботились о том, что им приходится вдыхать в себя. Что до него, то это была наиболее насущная проблема, важнее, чем пища или вода.

– Люди глупы, – повторял Хозяин, – сознательно уничтожая себя, они, тем не менее, что-то кричат о спасении мира. О как же ты убог, род человеческий!

Эти патетические тирады накрепко засели в память. Но все же хотелось воочию убедиться в том, так ли глуп и убог род человеческий, как об этом твердил Хозяин.

Пожалуй, он и сам не мог бы ответить на вопрос, что именно так влечет его в сторону Большого Города. Желание познать людей? Да, конечно, но не только это. Желание воочию увидеть достижения цивилизации, о которых он столько прочел? И это тоже, но далеко не все.

Его подгонял какой-то мрачный инстинкт, что сродни чутью волка, набредающего на мирно пасущееся овечье стадо. Разумеется, Большой Город нельзя было назвать мирным овечьим стадом. Однако только он мог в полной мере удовлетворить звериный инстинкт, вложенный в него природой. Или Хозяином?

Он ненавидел эту свою привычку к самоанализу. Но Хозяин говорил, что без этого невозможно существование по-настоящему умного человека. С его коэффициентом интеллекта он мог быть абсолютно спокойным. Но Хозяин часто повторял, что помимо ума и знаний развитый человек обязательно должен обладать и чутким эмоциональным восприятием.

– Это зачастую осложняет человеку жизнь, – говорил Хозяин, – но в то же время во сто крат обогащает наше существование.

Очевидно эту истину стоило принять безоговорочно, как и всякую другую, исходящую от Хозяина – единственного на всем свете существа, которое заслуживало уважения.

Солнце припекало все сильнее. Для начала октября погода была более чем теплой. Бабье лето в этом году припозднилось. Сентябрь был ветреным и слякотным, а в первые дни октября неожиданно для всех установилась погожая, августовская погода, теплая, солнечная и тихая.

Если бы это зависело от него, он предпочел бы совершить свою вылазку в иных условиях. Но выбирать не приходилось. К тому же предоставился великолепный шанс испробовать себя в непривычной обстановке. Она вовсе не обязательно должна быть приятной и комфортной. Скорее, наоборот.

Все эти мысли беспрестанно роились в его гудящей от жары голове. Собственно, жары-то никакой не было. Градусов 25–27 по Цельсию, не более. Да и осеннее солнце «работало» не так рьяно, как летом. Но и этого было более чем достаточно для того, чтобы временами у него мутнело в глазах от жажды.

На счастье идти пришлось не так долго. Вскоре он вышел на оживленное шоссе. Одежда полностью высохла и он выглядел вполне пристойно.

– И все-таки очень жаль, что Хозяин не удосужился обучить меня вождению, – пробормотал он, провожая взглядом проносящиеся грузовики и легковушки.

Ему безумно хотелось остановить машину, выкинуть из нее водителя, влезть внутрь и, заведя мотор, помчаться вперед, вместо того, чтобы сбивать ноги, топая по шоссе под ярким слепящим солнцем.

Еще через некоторое время смутное желание стало оформляться в ясный план. Он подошел к самому краю обочины, остановился, повернулся лицом к автомобилям, направляющимся в сторону города и поднял руку. Он видел, как это делают актеры в просмотренных им фильмах. Возможно, движение получилось недостаточно естественным, или выглядел он слишком подозрительно, но, как бы там ни было, ни одна из многочисленных машин даже не замедлила ход.

Это несколько не ослабило его решимости. Дождавшись, пока на трассе появится одинокая легковушка, он внезапно выскочил на дорогу прямо перед ней, заставив водителя резко затормозить. План был простым, в лучших традициях современных боевиков: заставить владельца автомобиля под угрозой ножа доставить себя в город, после чего он намеревался поступить с водителем приблизительно так же, как и со своими предыдущими жертвами.

– Ты че, совсем охренел, идиот! – заорал высунувшийся в окно мужик лет сорока-сорока пяти. – Если тебе жить надоело, мне-то чего ради из-за какого-то мудака в тюрьму садиться! Вот псих-то!

Не говоря ни слова, он медленно приближался к машине, незаметно сжимая рукоятку ножа.

– Если надо тебе, мог бы и проголосовать, как все нормальные люди делают, я бы тебя подвез, – продолжал мужик, глядя на «психа» скорее доброжелательно, чем гневно.

Это наблюдение резко изменило ход его мыслей. Он замер в нерешительности.

– Ну че встал-то, олух? – усмехнулся водитель. – Иди, садись, раз уж тормознул.

Распахнулась дверца переднего пассажирского сиденья. Он с трудом втиснулся в крошечный салон выдавшей виды развалюхи и закрыл дверь.

– Ну ты, потише хлопай, – взъерился мужик, – двери у меня, чай, не казенные.

Он снова промолчал, не зная, как реагировать на человека, грубые слова которого так явно противоречили добродушному тону, которым были сказаны. Это нарушение простейших логических законов выбивало из колеи.

– Кто ж так машину тормозит? Я тебя едва на задавил. У меня хотя и «Запорожец», но движок у него помощнее, чем у иного «Жигуленка». Никто не останавливался, что ль? – поинтересовался водитель.

Он отрывисто кивнул.

– Оно и понятно. Нынче времена такие – каждый боится связываться с кем ни попадя. С меня-то взять нечего. На мою старушку-развалюшку желающих не найдется. А сам я человек не вредный. Если хороший человек попросит, не отказываю.

«Хороший человек» исподлобья глянул на водителя и ничего не сказал.

– Тебе куда ехать-то? – спросил мужик, нимало не смущаясь тем, что попутчик все еще не произнес ни слова.

– В город, – ответил он глухим надтреснутым голосом и откашлялся, прочищая горло.

– Простыл, что ль?

– Что?

– Заболел, говорю, что ли?

– Д-да, немного, – ответил он, понимая, что необходимо стараться поддерживать беседу.

– Рыбак, что ль? – продолжал расспрашивать водитель.

– Да, рыбак.

– А где же снасти?

– Потерял, – увидев, что мужик кинул на него недоумевающий взгляд, пояснил, – в воде утопил случайно.

– С берега рыбачил, или с лодки?

– С лодки, – ответил он и тут же добавил: – Она тоже утонула.

– Бывает, – ответил водитель, – я и сам однажды так нарыбачился, что потом себя самого еле из воды вытянул. Лодка перевернулась. Я, правда малость навеселе тогда был, – мужик засмеялся. – С тех пор на рыбалке ни-ни. А ты как на счет этого?

Он щелкнул себя по шее, изображая всем известный жест.

– На счет чего?

– Ну ты прям как с луны свалился! – хохотнул мужик. – Выпиваешь, спрашиваю?

Он пожал плечами, не найдя, что ответить. Как выяснилось, беседа с незнакомым человеком – дело не из легких.

– Тебя как звать-то, браток? – поинтересовался мужик, словно угадав мысли своего попутчика.

– Гера... – машинально было ответил он и резко осекся.

– Как-как? Гера? – переспросил мужик. – Герасим, значит?

У меня так отца звали. А сам я Анатолий Герасимович Федоров. Можно просто Толян.

Водитель весело подмигнул ему и он невольно улыбнулся в ответ. Это его удивило. Снова закипело раздражение – чувства напрочь отказывались повиноваться разуму.

– Да ты не сиди бирюком-то, – добродушно сказал мужик, заметив, что его пассажир нахмурился. – Со всяким такое бывает. Приедешь домой, освежишься под душем, поешь сытно, ляжешь, отдохнешь и все печали пройдут.

Ответом был шумный вздох, вызванный словами о душе. Он отдал бы, кажется, все на свете, лишь бы ощутить на своем разгоряченном теле живительные струи ледяной воды.

– А ты как сюда добирался, Гера? – не отставал мужик, не замечая, что попутчик не особенно охотно поддерживает разговор.

– На машине, – ответил он, вспомнив оранжевую колымагу, которую он сталкивал с обрыва.

– А че с машиной стало?

– Сломалась.

– Так че ж мы с тобой в город-то едем? – встрепенулся мужик. – Давай вернемся, на буксир возьмем. Разве можно такое добро на дороге оставлять? Завтра уже от нее ни винтика, ни шпунтика не останется.

– Не надо, – решительно выпрямился пассажир, видя, что водитель собирается вырулить на встречную полосу, – я ее в море скинул.

– Это ты зря, парень, – ошарашено заявил мужик, впервые за все это время посмотрев на собеседника с подозрением.

– Не зря. Она все равно уже никуда не годилась.

– Да? – произнес мужик, отводя взгляд и пожимая плечами.

– Оно, конечно, тебе виднее. И все ж таки я бы на твоём месте не стал бы машину бросать. Вместо ответа он снова пожал плечами.

– Вот так человек сгоряча натворит делов, – философски заметил Толян, – а потом жалеет, да только поздно бывает.

– Не пожалею, – мрачно усмехнулся он.

– Дело твоё, парень, – повторил мужик.

В машине установилось молчание. Видя, что пассажир попался не слишком общительный, водитель включил радио. Какая-то безголосая певица надрывалась, пытаясь изобразить нечто, похожее на блюз. Он поморщился.

– Че заерзал? – хмыкнул Федоров. – Не нравится такая музыка?

– Гадость, – коротко бросил он.

– Это верно, Гера, гадость и есть.

Мужик протянул руку и переключил радиоприемник на другой канал. Передавали новости.

– ... На пресс-конференции Минатома заявил, что ядерной угрозы затонувшая субмарина не представляет, – говорил женский голос, – никакой угрозы ядерной катастрофы в связи с аварией подлодки не существует вообще...

– Ты слыхал, парень, чего в мире деется? – спросил Толян и не дав попутчику и слова сказать, разразился смачной бранью в адрес «проклятых зажавшихся буржуев, которым неймется, что у нас, русских, еще есть порохов в пороховницах».

Гера продолжал хранить молчание, но это нисколько не останавливало Федорова, а возможно, даже подбадривало.

– Вот сучьи дети! – надрывался Толян, всем своим видом выражая искренне негодование. – Нету на них Сталина, он бы их быстро всех на место поставил, пообрубал бы им хвосты поганые!..

Он силился разобрать слова диктора, тонущие в ругани Толяна.

– ...министр атомной энергии не исключил возможность того, что с этой целью в район катастрофы будет направлено известное российское исследовательское судно...

Названия он не расслышал, так как в этот момент Толян возвысил голос почти до крика. Ему очень хотелось заткнуть рот не в меру зарапортовавшемуся водителю, однако он сдержался.

Когда Анатолий замолчал, чтобы перевести дух, диктор уже передавал прогноз погоды на завтра.

– Тебе куда ехать-то? – спросил Толян, изменив тон с гневного на добродушный.

– В каком смысле?

– В смысле, где тебя высаживать? Я до самого города не поеду, но могу довезти до автобусной остановки. Пойдет?

– Пойдет, – нерешительно повторил он, не сразу осмыслив слова водителя.

– У тебя хоть деньги-то есть?

– Деньги?

Он встрепнулся и полез в карман, в котором лежали бумажники, и вынул один из них.

– Есть деньги, – ответил он, обнаружив небольшую стопку кредиток, – кстати, сколько я вам должен?

– Ты – мне? – возмутился Толян. – Смеешься, что ль? Чтобы я с тебя деньги брал, когда ты машины лишился?! Я не такой жлоб, чтобы деньги брать у тех, кто в беду попал.

– Как знаешь, – ответил он, невольно перенимая выражения Толяна, и спрятал бумажник в нагрудный карман.

– 216-тый тебе подойдет? – задал вопрос водитель.

– Что?

– Ты, как я посмотрю, совсем не в себе, – добродушно усмехнулся Толян, – я спрашиваю, автобус 216-тый тебе подойдет?

– Он в город идет?

– А куда ж еще?

– Если в город, то пойдет.

– Ну вот и славно, – сказал Толян, – через пяток минут доедем.

– Ты только не унывай, парень, – снова заговорил водитель, – все у тебя наладится. И мой тебе совет: никогда больше не бросайся машине наперерез. Не все такие, как я. Кое-кто переедет и глазом не моргнет.

Автомобиль подъехал к автобусной остановке, где стояло несколько человек.

– Вот и люди стоят, – заметил Толян, – значит, автобус вот-вот подойти должен.

– Счастливо тебе, парень, – добавил водитель, когда попутчик вышел из машины.

Он кивнул и пожал протянутую ему руку.

На этот раз дверь он закрыл осторожно и не спешил отходить от машины, провожая взглядом отъезжающего Толяна. Тот помахал ему рукой из окна и дал два коротких гудка. Он махнул в ответ, продолжая стоять на обочине. У него было ощущение чего-то недоделанного или недосказанного. И это не давало ему покоя, заставляло вперивать взгляд вслед исчезнувшему из вида автомобилю.

Внезапно он понял, что должен был сделать. Он должен был произнести одно-единственное слово. Простое, довольно короткое словечко, но емкое и важное.

– Спасибо, – вполголоса произнес он и пошел к автобусной остановке.

Час спустя он оказался в центре города. Здесь воздух был еще хуже, чем на шоссе. В голове свербила только одна мысль: как можно скорее оказаться в месте, где можно принять холодный душ. Он уже не ощущал голода, но жажда, подступившая еще на трассе, мучила все сильнее.

В автобусе, среди рыбаков и дачников он совсем не выделялся, в городе же на него с удивлением поглядывали прохожие.

Откуда-то неподалеку раздавался шум поездов, из чего он заключил, что рядом располагается вокзал. Туда он и направил свои горящие огнем стопы. Проходя мимо магазинчика, он увидел в витрине батарею бутылок. Жажда стала нестерпимой. Достав из кармана бумажник, он вошел в магазин.

– Вода есть?

Молоденькая продавщица непонимающе уставилась на него.

– Вода у вас есть? – повторил он хрипло.

– Какая? Минеральная? Дистиллированная?

– Любая, я хочу пить.

Не сводя с покупателя недоумевающего взгляда, девушка попятилась к холодильнику и наугад вынула бутылку.

– «Боржоми» вас устроит?

– Давай, – он выхватил из рук девушки мгновенно запотевшую бутылку с холодным напитком, одним махом отвинтил пробку и опрокинул в себя бутылку.

Это было ни с чем не сравнимое по своей остроте наслаждение. Вместе с ледяной влагой, в него вливались жизненные силы. Продавщица, словно замороженная, наблюдала за тем, как странный человек огромного роста с плечами, достойными чемпиона мира по культуризму, жадно поглощает минералку.

– Еще, – прохрипел он, вытирая рот и бросая на пол опустевшую пластиковую бутылку.

Не говоря ни слова, девушка достала вторую бутылку и протянула ее мужчине.

Эту он пил уже не так жадно и даже сумел определить ее вкус, который, кстати, несколько ему не понравился.

– Еще две, – сказал он, переведя дыхание.

К продавщице вернулся дар речи.

– Надо заплатить сначала, – произнесла она осторожно.

Несколько покупателей заинтриговано наблюдали за происходившим. Он обвел их мрачным взглядом.

– Сколько?

Продавщица назвала сумму. Он бросил на прилавок купюру, забрал две бутылки и направился к выходу.

– Подождите! – крикнула девушка. – Вы не взяли сдачу.

Не останавливаясь, он бросил через плечо быстрый взгляд и вышел из магазина, так не удостоив продавщицу ответом. Эту девушку ему благодарить совсем не хотелось.

На вокзале, среди толчеи и суматохи, он довольно легко затерялся в толпе и перестал обращать на себя внимание. Побродив некоторое время по привокзальной площади, он оказался рядом со старухой, торгующей вареной кукурузой.

– Купи, сыночек, – заверещала она, – кукуруза свежая, только что сваренная.

Он взял у нее початок, кинул ей какую-то мелочь, но уходить не спешил.

– Где здесь рядом гостиница? – просил он у старухи.

– А ты что, приезжий? – старуха оглядела его зоркими глазками.

– Да.

– А деньги у тебя есть, сынок?

– Да, – так же односложно отвечал он.

– Надолго к нам? – старуха так и буравила его глазами.

– Нет, всего на пару дней.

– Я могу комнату сдать, только деньги вперед.

– Сколько?

– Я много не беру, – издалека начала бабка, алчно вытаращившись на него.

Ему было противно говорить с этой старухой, а тем более выносить ее неприятный взгляд. Но он подавил отвращение и задал единственный интересующий его на данный момент вопрос:

– Душ у тебя есть?

– А как же, сынок, конечно, есть, – закивала старуха, – все удобства. Лучше, чем в гостинице. И помоешься, и покушаешь, и поспишь, как барин.

– Пойдем, – сказал он.

– Э-э, – протянула бабка, не двигаясь с места, – я деньги вперед беру.

Он бросил ей на колени бумажник.

– Хватит?

Старуха пересчитала деньги.

– Ой, касатик, – медоточивым голоском, от которого она сделалась еще противнее, заговорила бабка, – должно хватить.

Он понимал, что заплатил ей гораздо больше, чем следовало бы, но ему было все равно. Все его существо требовало прохлады и отдыха, казалось, еще немного, и он упадет замертво. По пути бабка начала было приставать к нему с расспросами, однако он сразу оборвал ее в довольно грубой форме.

«Надо послать старуху в магазин, чтобы купила мне приличную одежду», – подумал он, шествуя за семенящей бабкой.

Судя по всему, можно было говорить о том, что первая часть задуманного мероприятия прошла вполне успешно.

* * *

ГЛАВА 2

Стоял погожий денек бабьего лета. Супруга советника Президента Ольга Викторовна Тимофеева с удовольствием шла пешком по Малой Бронной. Это была статная дама сорока лет, весь облик которой говорил о неусыпных стараниях приостановить увядание и сохранить остатки былой привлекательности. В первые минуты прогулки Ольга Викторовна не жалела о своем решении отпустить водителя: так приятно было пройти по улице, наслаждаясь последними в этом году теплыми лучами солнца. Несмотря на то, что часы только что пробили одиннадцать, улица буквально кишела народом, словно люди в одночасье сорвались со своих рабочих мест и студенческих парт, чтобы, подобно Ольге Викторовне, успеть урвать последние солнечные денечки. Все успели соскучиться по теплой безветренной погоде за четыре недели не по-сентябрьски холодной и сырой осени, пришедшей на смену благодатному августу. По утверждениям синоптиков, наблюдалась аномально теплая для этого времени года погода. Говорили, что сейчас на добрых десять градусов теплее, чем должно быть в октябре. Неизвестно было, сколько продлится это неожиданное второе бабье лето.

Ольга Викторовна сняла пиджак, оставшись в кашемировой водолазке, но ей все равно было жарко. По ее мнению девицы дефилировали чуть ли не в чем мать родила. Когда едешь в машине с тонированными стеклами, это не так заметно. А теперь Ольге Викторовне казалось, что она находится не на одной из оживленных центральных улиц столицы, а где-нибудь на приморском курорте, откуда рукой подать до пляжа. Она нахмурилась и начала жалеть, что отпустила шофера – до ее дома оставалось еще шесть кварталов. Пока она дойдет, будет вся в мыле и не то что не получит удовольствия от прогулки, но напротив, запыхается и устанет.

Хорошее настроение супруги советника Президента портилось на глазах. Она думала о том, что сегодня же вечером обсудит с мужем долгожданную поездку в Лондон. Ольга Викторовна очень любила этот город. Он немного напоминал ей родной Петербург, но английская публика, на ее взгляд, была гораздо изысканнее петербургской. Ольга Викторовна не отдавала себе отчета, что судит лондонцев по впечатлениям, получаемым из окна лимузинов или по тем людям, которых она встречала на официальных банкетах и фуршетах. Ольга Викторовна успела отвыкнуть от простого народа за удивительно короткий срок. Прошло всего два года с тех пор, как ее супруг занял столь ответственный пост, а она начала ездить исключительно на правительственных автомобилях и регулярно бывать за границей. Геннадий Аверьянович уже давно обещал жене очередную поездку. Но она все откладывалась по разным государственным причинам. Ольге Викторовне очень хотелось поскорее покинуть пределы родины, которая начинала ее утомлять, если она оставалась на ней дольше двух-трех месяцев. Однако в связи с событиями последних недель о поездке можно было забыть не менее, чем на месяц, если не больше.

От всех этих мыслей у Ольги Викторовны настроение и вовсе упало. Она стала озираясь по сторонам в поисках чего-то, что поможет ей отвлечься от неприятных переживаний. В этот момент ее внимание было привлечено мальчишкой-газетчиком. Казалось, сорванец являет собой ожившего экранного героя фильма типа «Республика ШКИД» или другого в таком же роде, посвященного беспризорникам. На мальчишке были пузырящиеся на коленях затертые штаны, грязный порванный в нескольких местах свитер, какие-то совершенно невообразимые боты, в которых в свое время хаживал не один бомж. Картину дополняла фуражка с погнутым козырьком и дырой на макушке. Но на Ольгу Викторовну самое сильное впечатление произвело даже не это. Мальчишке было не больше одиннадцати-двенадцати лет, а он уже смолил сигарету без фильтра, способом заправского курильщика приткнув окурочек в уголок рта. При этом он как-то умудрялся кричать громким и пронзительным голосом, так, что он него шарахались все прохожие, а кое-кто даже порывался огреть крикуна сумкой или пакетом. В руках

у мальчишки была пачка газет, из чего можно было заключить, что он зарабатывает себе на жизнь столь нелегким трудом. Это впечатление подтверждалось и призывными криками, которые испускал юный труженик. В шуме транспорта Ольга Викторовна никак не могла расслышать его слов, но, судя по интонациям, предположила, что он выкрикивает заголовки статей.

Ольга Викторовна остановившись посреди тротуара, с живейшим интересом разглядывала мальчишку. Мальчишка не преминул заметить женщину, обратившую внимание на его скромную персону.

– Купите газету! – возопил он так, что Ольга Викторовна отшатнулась в испуге, врезавшись спиной в торопящегося куда-то толстяка.

– Ну ты, дамочка, смотри, куда тебя несет, – проворчал толстяк, бесцеремонно отпихнув супругу советника Президента, и пошел своей дорогой.

– Тетенька! – пискнул мальчик жалобно. – Купите газету! Калифорнийские врачи изобрели вакцину против курения! Новая информация о взрыве подлодки!

Ольга Викторовна нахмурилась. Она-то прекрасно знала, что собой представляет желтая пресса. Видя, что женщина нисколько не убеждена его возгласами, мальчишка закричал еще громче и одновременно жалобнее.

– Тетенька, ну купите газету! Мне хлеба купить не на что! – и тут же бодро и звонко продолжил: – В районе катастрофы были замечены дельфины!

Ольга Викторовна укоризненно покачала головой.

– Эти писаки уже совсем потеряли всякий стыд, – громко произнесла она, так, что некоторые прохожие обернулись в ее сторону, – пишут такой бред, что просто не веришь собственным глазам. Ну какие могут быть дельфины в Северном море? Там же температура не поднимается выше нескольких градусов тепла, – продолжала возмущаться Ольга Викторовна, – а дельфины... – глубокомысленно закончила она, вытянув для убедительности указательный палец и почти ткнув им в лицо мальчишке.

Любой другой на его месте уже давно бы плюнул на эту вздорную бабу и пошел искать удачу с другими, более сговорчивыми прохожими. Но мальчишка оказался как нельзя более решительным.

– Ну пожалуйста, тетенька, купите газету! – заканючил он.

Ольга Викторовна, которой надоело пререкаться с мальчишкой, попыталась обойти его и продолжить путь. Она была раздосадована до крайности. Однако бойкий юнец оказался проворнее. Он, пятясь, бежал перед Ольгой Викторовной, не переставая жалобно поскуливать. Жена советника Президента была очень деликатной женщиной и не могла равнодушно переносить столь нелицеприятное зрелище, как этот мальчишка. К тому же Ольга Викторовна замечала, что прохожие с все большим интересом начинают присматриваться к тому, что происходит. А ей, как супруге не самой последней политической фигуры, не пристало привлекать к себе внимание. Она покраснела от гнева и досады, попадись ей сейчас водитель Виталий, Ольга Викторовна, наверное, разорвала бы его в клочья.

– Ну хорошо, – ледяным тоном сказала Ольга Викторовна, – я куплю у тебя газету, но не потому, что мне интересно читать какую-то чушь, а только для того, чтобы избавить себя от твоего вида. Ты меня понял?

Последние слова Ольга Викторовна прошипела, склонившись к мальчишке и буравя его испепеляющим взглядом. Но тот и бровью не повел.

– А может, сразу две купите, – не растерялся он, – для мужа, например, или для вашей мамы...

Этого бедная женщина уже не могла перенести. Она открыла сумочку, вынула кошелек и долго рылась в нем, отыскивая самую мелкую купюру – мелочи у Ольги Викторовны не было.

И тут мальчишка снова избавил супругу советника от проблем, осторожно вытянув у нее из пальцев одну из бумажек. Не дав Ольге Викторовне опомниться, он сунул ей в руки все свои газеты и был таков, оставив ее в недоумении стоящей посреди тротуара.

Если бы Ольга Викторовна нашла в себе силы последовать за мальчишкой, она увидела бы, как он, свернув за угол, нырнул в первую же подворотню. А если бы она зашла туда, то обнаружила бы, как мальчишка подбежал к невзрачному мужчине в серой рубашке и коричневых брюках, лениво попыхивающему сигаретой, очень тихо произнес несколько слов, после чего мальчишка едва уловимым движением взял что-то из руки взрослого, сунул в карман и исчез так же быстро, как и появился. Мужчина в свою очередь спокойно докурил сигарету, сплюнул через плечо, при этом кинув быстрый взгляд назад и в стороны, а затем направился к выходу из подворотни все в той же ленивой манере. Но как только он оказался на многолюдной улице, его облик изменился кардинальным образом. Мужчина шел быстро и сосредоточено, как человек, спешащий по важному делу.

Но Ольга Викторовна ничего этого не видела. Постояв еще некоторое время, она вернула кошелек на место и медленно пошла вперед по Малой Бронной, переваривая неприятную сцену. Только через несколько десятков шагов она вспомнила о газетах, которые всучил ей наглый мальчишка. Оказалось, их совсем немного – всего шесть штук. Сначала Ольга Викторовна хотела выбросить газеты, но урна ей почему-то не попадалась, а мусорить на улице ей не хотелось. Потом, когда возмущение стало понемногу ослабевать, Ольге Викторовне пришло в голову, что неплохо было бы все-таки ознакомиться с содержанием газет, которые обошлись ей в довольно-таки кругленькую сумму.

Первым, что попало ей на глаза, была газетная шапка:

«ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ ВЗОРВАЛИ ДЕЛЬФИНЫ»

Целых три столбца на первой полосе посвящались рассказам очевидцев, утверждавших, что они видели нескольких дельфинов в непосредственной близости от места катастрофы.

«Чушь!» – подумала Ольга Викторовна, однако дочитала статью до конца, потому что в эти дни ничто другое не могло вызвать такого же интереса как произошедшая трагедия.

Придя домой, уставшая и очень недовольная, супруга советника Президента бросила газеты на пуфик в прихожей и тотчас же о них позабыла – через пятнадцать минут к ней на дом должна была явиться маникюрша.

Геннадий Аверьянович вернулся как обычно очень поздно. И, как это часто бывало в последнее время, не в самом лучшем физическом и моральном состоянии. В администрации Президента со дня этого злополучного взрыва на АПЛ царило сильное напряжение. Все ждали, что оно должно вылиться в крупную головомойку. Чем дольше этого не происходило, тем сильнее нарастало напряжение. Геннадий Аверьянович называл это цепной реакцией.

Он сразу обратил внимание на ворох газет в прихожей, которые горничная почему-то не позаботилась убрать.

– Что это, Валюша? – спросил Геннадий Аверьянович, указывая на брошенные газеты.

– Я не знаю, – ответила горничная, – это Ольга Викторовна принесла откуда-то.

– Можно было и убрать их, – проворчал Геннадий Аверьянович.

Горничная проворно заспешила к пуфику и собралась унести газеты.

– Постой, Валюша, – Геннадий Аверьянович взял у нее газеты и принялся их просматривать.

– Очень интересно, – сказал он, обнаружив, что держит в руках шесть экземпляров одного и того же издания. Название ему ни о чем не говорило, наводя на мысль, что это мелкая бульварная газетенка.

– Чего ради Ольге Викторовне понадобилось приносить сюда это. Ей что, мало тех газет и журналов, которые мы выписываем? – озадаченно спросил он Валюшу.

Горничная хранила молчание, понимая, что слышит не столько вопросы, сколько мысли, высказываемые вслух.

Геннадий Аверьянович направился было в комнату к супруге, чтобы расспросить ее об этом необычном инциденте, но Ольга Викторовна опередила его, выйдя в коридор.

– Геннадий, – произнесла она таким тоном, что советник Президента сразу почувствовал беспокойство, – мы в этом году поедим за границу или будем ждать следующего года?

Геннадий Аверьянович вздохнул, готовясь выдержать атаку жены. Силы были не равны: Ольга Викторовна весь день копила энергию и решимость, в то время как ее супруг растрачивал и то, и другое на своем рабочем месте. Мысли о газете разом вылетели из его понурившейся головы, он машинально бросил газеты на стул в коридоре и побрел за женой, сожалея, что Президент не задержал его сегодня на работе до полуночи. Тогда Геннадий Аверьянович вернулся бы домой, когда Ольга Викторовна уже легла спать, значит, ему удалось бы избежать тяжелого объяснения с супругой. Так было на протяжении почти всей текущей недели, но на сей раз удача от него отвернулась.

Когда измученный Геннадий Аверьянович добрался до своей постели, ему уже было не до газет, неизвестно как оказавшихся в его квартире. Таблетка успокоительного, услужливо поднесенная ему супругой, когда он начал краснеть и хватать ртом воздух, подействовала почти сразу.

Однако от судьбы, как говорится, не уйдешь. Наутро, когда Геннадий Аверьянович уселся за завтрак, он обнаружил на столе одну из вчерашних газет. Была суббота, на работу можно было особенно не спешить. Президент сам сказал, что он, Геннадий Аверьянович, может отдохнуть несколько часов, они, дескать, заслужили хотя бы полдня спокойного и приятного времяпрепровождения после недельной нервотрепки.

Геннадий Аверьянович отпил глоток кофе со сливками и развернул газету.

«ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ ВЗОРВАЛИ ДЕЛЬФИНЫ»

«Хм, ничего себе, – сказал себе советник Президента, отставляя чашку и погружаясь в чтение. Вся информация, касающаяся катастрофы, даже самая невероятная и фантастическая, обязательно должна была быть принята к сведению. Об этом им неоднократно говорил Президент. Поэтому Геннадий Аверьянович добросовестно ознакомился с содержанием статьи. Реакция советника главы государства не намного отличалась от реакции его супруги. Правда, он не сказал не „чушь“, а „ерунда“.

Придя после долгого крепкого сна и калорийного завтрака в наилучшее расположение духа, Геннадий Аверьянович по дороге в Кремль подумал о том, что Президента все же стоит поставить в известность относительно очередной газетной утки.

Вероятнее всего Геннадий Аверьянович благополучно забыл бы о своем намерении, если бы не одно маленькое обстоятельство. Президент в этот день ознакомился с программой пребывания в курортной зоне Черноморского побережья России. Среди многочисленных экскурсий было посещение уникального дельфинария. Уникальность его заключалась в том, что он был расположен прямо в море, в небольшой, но глубокой бухточке и огражден от остальной воды бетонной стеной. Это был единственный в стране дельфинарий, где животные обитали практически в естественной среде.

Президент ставил галочки рядом с наименованиями тех объектов, на которых он хотел бы побывать. Дойдя до дельфинария, он в нерешительности призадумался. Именно в этот момент Геннадий Аверьянович вспомнил прочитанную утром статью. Он сказал об этом Президенту.

– Это несерьезно, – последовал ответ.

– Я понимаю, – тут же согласился Геннадий Аверьянович, – но забавно, как далеко может простираться фантазия этих писак.

– На мой взгляд, в этом нет совершенно ничего забавного, – возразил Президент, – у этих людей нет ничего святого, они не гнушаются никакими способами, лишь бы только привлечь читателей и увеличить объем продаж.

Тут подал голос Секретчик, генерал военной разведки, который по неизвестным Геннадию Аверьяновичу причинам должен был сопровождать Президента в поездке на юг страны.

Это был импозантный мужчина, крупный, с небольшим „пивным“ брюшком, холеным лицом, с сочными алыми губами. Жгучий брюнет с роскошной шевелюрой. Советнику Президента он почему-то не внушал доверия. Да и о каком доверии может идти речь, если перед тобой сидит человек, всю свою сознательную жизнь проработавший в военной разведке. Геннадий Аверьянович подозревал, что Президент разделяет это мнение. Но насколько данное предположение было близко к истине, оставалось только догадываться. Президент никогда не давал ни малейшего намека на то, какие эмоции у него вызывает та или иная персона.

– А что, – вдруг произнес Секретчик, – по-моему, дельфинарий – это очень интересное место.

– Вот как? – Президент поднял брови и вопросительно посмотрел на Секретчика, ожидая пояснения.

– Я рискую показаться несведущим и наивным, – продолжал тот, – но на мой взгляд, если бы эта статья была напечатана не в какой-то бульварной газетенке, а в серьезном журнале, информация стоила бы того, чтобы ею заинтересовались соответствующие службы.

– Вы хотите сказать, – не удержался Геннадий Аверьянович, – что верите в эту чушь?

Секретчик живо повернулся в сторону советника Президента.

– Я хочу сказать, – произнес он с некоторой снисходительностью, так во всяком случае показалось Геннадию Аверьяновичу, – что в той ситуации, в которой мы сейчас находимся, нельзя пренебрегать ни одной появившейся версией, пусть это даже кажется нам газетной уткой.

Геннадий Аверьянович счел ниже своего достоинства вступать в дискуссию с Секретчиком, он обратил свой взор на Президента.

– С детства мечтал побывать в дельфинарии, – неожиданно произнес тот с едва заметной улыбкой.

Вопрос был решен. А вечером того же дня работники дельфинария получили правительственную телеграмму, извещавшую о том, что Президент собирается их посетить.

Рабочий день в администрации Президента закончился. И снова Геннадий Аверьянович возвращался домой в плохом настроении и совершенно обессиленный. Зато Секретчик, который сам сел за руль своей „Volvo“, насвистывал веселую песенку. Фокус с мальчишкой-газетчиком удался. Первый, так сказать, пробный шар оказался весьма успешно упавшим в лузу. Секретчик был заядлым бильярдистом и любил при всяком удобном случае проводить параллели с любимой игрой.

„Теперь мы поиграем“, – с улыбкой проговорил он, но взгляд его при этом были жестким и не сулил ничего хорошего.

* * *

Он пролежал в ванной больше получаса. И пробыл бы еще дольше в холодной, пахнущей хлоркой воде, если бы старуха не помешала ему тихим стуком в дверь.

– Ты там часом не утонул ли, касатик? – спросила она с плохо скрываемой тревогой.

– Сейчас выхожу! – крикнул он.

Ему не хотелось надевать свои вещи, вернее, вещи тех, кого он закопал на берегу. На крючке висел затрепанный выцветший банный халат, его-то он и натянул на себя, услышав, как затрещали швы.

– Мне нужно купить одежду, – сказал он старухе.

– Какую, касатик? – с готовностью спросила старуха.

– Обычную, – ответил он.

– Я имею в виду, дорогую, или дешевую? У тебя вообще как с деньгами?

– С деньгами у меня нормально, – он с неприязнью посмотрел в жадное лицо старухи, – одежда нужна простая, не слишком дорогая, но и не дешевая. Такая, чтобы в ней было не стыдно на людях показаться.

– Ага, касатик, кажись поняла тебя, – заверещала бабка, – у нас тут недалеко скупка есть, там вещички приличные продают и цены сносные.

– Скупка? – с недоумением переспросил он.

– Ага, скупка, касатик, это вроде как комиссионка, только деньги там сразу дают.

– Постой, – начал догадываться он, – там поношенные вещи продают, так?

– Поношенные, – согласилась старуха, – да только самую малость, с виду и не скажешь.

А новые покупать, только деньги на ветер выкидывать...

– Я не хочу носить чужие вещи, – он с отвращением передернул плечами, вспомнив, как влезал в пропахший запахом чужого тела свитер. – Мне нужна новая.

– Как скажешь, сынок, только это тебе раза в три дороже встанет.

Он достал из нагрудного кармана бушлата второй бумажник, принадлежавший, как он помнил, сухопарому рыбаку. Денег в нем оказалось больше.

– Сколько? – уже в который раз за этот день спросил он.

– Так сразу не могу тебе сказать, сынок, – старуха вытянула жилистую шею, безуспешно пытаясь определить количество хрустящих бумажек, которые он держал в руке.

– Ладно, бабка, вот тебе деньги, – он протянул ей большую часть найденных у рыбаков купюр, – этого, я думаю, должно хватить, даже с лихвой. Иди в магазин и купи мне что-нибудь из одежды.

– А что же тебе купить?

– Все, что нужно. Белье, рубашку, брюки, обувь. Только смотри, чтобы по размеру подошло.

– Ой, да как же я пойду без тебя! – всплеснула руками старуха. – А вдруг чего-нибудь не то выберу?

– Поменяешь.

– И то правда.

Видно было, что старуха очень хочет пойти одна, чтобы потратить полученные деньги по своему усмотрению и зажить пару-тройку сотен. Но в то же время не решается уходить из дома.

– Чего ты ждешь? – спросил он ее напрямик.

– Да вот доченьку свою поджидаю. Она вот-вот прийти должна.

– Не хочешь оставлять меня одного в своих хоромах? – усмехнулся он.

– Да ты на меня не обижайся, касатик, – старуха смущенно повела плечами, – все-таки в первый раз тебя вижу, мало ли что, а так поспокойнее будет.

– А что ж ты меня домой к себе привела? Ты же меня в первый раз видишь.

– А что с меня брать-то?

Старуха похлопала себя по пустым карманам.

– И дом мой, сам видишь какой. Живу на крохи, еле перебиваюсь. Вот комнату сдаю, кой-какой доход получается, на хлебушек.

– Не нужно мне твое барахло, я лягу посплю, а ты иди, не беспокойся.

– И то правда, касатик, поспи, отдохни с дороги. Я тебе в спальне постелю, – засуетилась старуха.

Двухкомнатная квартирка и впрямь находилась в весьма плачевном состоянии. Ветхая мебель, вытертые коврики на дощатом полу с облупившейся краской. Древний телевизор на тонких ножках, ситцевые давно нестиранные занавески на грязных окнах. В спальне стояло несколько железных коек, накрытых драными покрывалами в пятнах и громадный платяной шкаф.

– У тебя что, тут ночлежка? – спросил он, морщась.

– Тем и живу, милоч, тем и живу. Надо же как-то пробавляться.

– И много у тебя тут народа ночует?

– Когда как, касатик. Нынче никого нет. Летом больше людей бывает, а сейчас не сезон.

Старуха расстелила постель на одной из кроватей, взбила подушку в посеревшей от времени и грязи наволочке.

– Вот, сынок, ложись, отдыхай, а я мигом сбегаю, куплю тебе одежонку.

– Только смотри, чтобы новая была. Поношенную я тебе назад отдам, поняла?

– Поняла, касатик, как не понять! Дай только мерку с тебя сниму, чтобы по три раза не бегать.

Старуха метнулась в соседнюю комнату и возвратилась с сантиметровой лентой. Сняв с него мерки, она добросовестно записала размеры на клочке бумаги и уточнила список необходимых покупок.

Он уселся на кровать, которая тут же прогнулась под его весом. Похоже, толком отдохнуть ему на этом ложе не удастся.

– Слышь, касатик, а может тебе покушать чего-нибудь принести? Или выпить?

При упоминании о еде, в желудке заворчал. Но, подумав немного, он решил отказаться.

– Я потом сам схожу куда-нибудь.

– Как скажешь, сынок, – закивала старуха.

Она прошла было к двери, но замешкалась на пороге, никак не решаясь оставлять его одного. Человеческая глупость всегда представлялась ему вполне естественным и распространенным явлением, поэтому он спокойно наблюдал за бабкой, которая, не боясь приводить к себе первого встречного, в то же время опасается оставить его без присмотра, словно ее присутствие могло бы помешать ему делать в ее квартире все, что душе угодно.

Он вытянул ноги на неудобной сетчатой кровати и прикрыл глаза. Тело взывало об отдыхе, мозг тоже требовал нескольких часов сна.

Старуха некоторое наблюдала за своим новым постояльцем, имени которого она так и не узнала, потом, убедившись, что он уснул, тихонько вышла из квартиры, и заперла входную дверь на два замка. Бабка очень торопилась, но та, которую она назвала своей дочерью, пришла раньше, чем вернулась хозяйка квартиры.

Он едва успел провалиться в тяжелую полудрему, как встрепенулся, потревоженный звуком отпирающегося замка. Старуха не могла вернуться так скоро, значит, пришел кто-то другой.

Входная дверь с шумом захлопнулась, в прихожей раздались шаги, не похожие на бабкины. Не вставая с кровати, он напряженно прислушивался. Судя по звонкому стуку каблучков, в квартире была женщина и, видимо, молодая.

Она прошла в гостиную, потом заглянула в кухню и, не обнаружив там никого, направилась к спальне. Дверь осторожно приоткрылась. Сквозь ресницы он увидел женский силуэт, замерший на пороге. Постояв с минуту, женщина на цыпочках приблизилась к его кровати и стала разглядывать лежащего человека. Убогий халат не скрывал всех достоинств его мощной атлетической фигуры. Нельзя было не залюбоваться на широкие мускулистые плечи, густые рыжевато-каштановые волосы, скрывающие уши, лицо с правильными чертами и квадратным подбородком и смуглую, с красноватым оттенком кожу.

– И где только она откопала такого красавчика? – шепнула женщина, не сводя с него заблестевших глаз.

– На вокзале, – громко произнес он, заставив ее отшатнуться от неожиданности.

– Ах, вы не спите!

Женщина смущенно захихикала. Он открыл глаза и в свою очередь стал внимательно изучать вошедшую. С истинно мужским чутьем он с первого взгляда определил, что дамочка относится к известному роду женщин, которых принято называть доступными. Ее никак нельзя было назвать красавицей, но в ней проглядывалось нечто такое, из-за чего многие мужчины невольно оборачивались ей вслед. Неестественно светлые волосы наводили на мысль о том, что они окрашены искусственно. Лицо яркое, бросающее в глаза, с сочными полными губами, задорными глазами, вздернутым носом. Он попытался определить ее возраст, но это оказалось затруднительным.

– И откуда же ты, такой красивый, взялся? – спросила быстро оправившаяся от испуга дамочка.

– Я уже сказал – с вокзала.

– Тебя что, и родили на вокзале? – съехидничала она, усаживаясь на соседнюю койку и закидывая ногу на ногу.

Короткая юбка не скрывала ее обтянутых черными колготками костлявых колен.

– Почти, – процедил он, неотрывно следя за движением ее ножки в черной лакированной туфельке, которой она кокетливо болтала.

– А где баба Маня?

– В магазине.

– А почему ты в таком виде, можно узнать?

– А чем плох мой вид? – парировал он, поведя плечом.

– Видок у тебя, конечно, что надо, – хихикнула женщина, – мне очень даже нравится. Правда... – он интригующе примолкла.

– Что?

– Мне кажется, что без этого рванья ты выглядел бы намного лучше.

Всем своим существом он ощущал исходящее от женщины жгучее желание. Оно находило отклик в нем, но что-то мешало ему поддаться этому новому чувству. Скорее всего, то, что женщина не в полной мере отвечала его эстетическим притязаниям.

– Меня зовут Елена, – произнесла она, видя, что незнакомец не торопится представляться.

– Елена, – повторил он, продолжая задумчиво разглядывать дамочку.

– А тебя как? – не выдержала она.

Он чуть помедлил с ответом, потом медленно произнес, наблюдая за ее реакцией:

– Герасим.

– Ого! Ну и имечко! – хохотнула она. – А где же твоя Му-му?

Он по-прежнему смотрел на нее, на лице не отразилось никаких эмоций. Между тем дамочка спохватилась, что ляпнула глупость и мгновенно посерьезнела.

– А можно я буду звать тебя Германом? Так, по-моему, красивее звучит.

– Можно.

Он подумал о том, что мог бы и сам догадаться назваться этим именем.

– Спасибо за подсказку, – сказал свеженареченный Герман, – теперь так и буду представляться.

– Видишь, какая я умная.

Он промолчал, не оспаривая, но и не подтверждая ее самодовольного утверждения.

– Ты всегда такой? – дамочка капризно надула губы.

– Какой? – не понял Герман.

– Молчун такой.

Он пожал плечами, действительно, не зная, что на это ответить. Наука говорить ни о чем была для него пока недостижимой. Герман привык относиться к речи, как к средству передачи необходимой информации. Каждое слово в его представлении было не просто набором определенных звуков, но неким символом, обозначающим конкретное понятие. Хозяин любил говорить. Иногда его заносило так, что он не мог остановиться в течение нескольких часов, самозабвенно ораторствуя на интересующую его тему. Герман слушал Хозяина и удивлялся этой способности, которой он сам был совершенно обделен. В такие моменты особенно остро ощущалось различие между ними, и это приносило ему боль.

Нечто похожее он испытывал сейчас, в разговоре с этой вульгарной дамочкой. Но на сей раз вместо ощущения неполноценности в Германе возникло раздражение. Женщина была слишком глупа.

– Иди сюда, – сказал он, положив руку на кровать рядом с собой.

– Зачем это? – Елена подняла тонкие подведенные брови.

– Я тебя хочу.

– Ого! – женщина снова захихикала, усиливая его раздражение. – Вот тебе и молчун. Вот молчит, молчит, а потом, как скажет, так хоть стой, хоть падай...

Герман, не вставая с кровати, схватил ее за плечо и рывком притянул к себе. Женщина вскрикнула. В ее лице отразился слабый испуг.

– Ты что! Мне же больно!

Она не кривила душой. Но обнажившемся плече в том месте, за которое Герман схватил ее, появился кровоподтек. Он отпустил женщину.

– Зверюга! – всхлипнула Елена, потирая ушибленное место.

В ее глазах появились слезы, лицо исказила обида.

– За что ты так со мной?

Герман слегка дотронулся до кровоподтека, ему стало не по себе.

– Извини меня, я не рассчитал свою силу.

– В следующий раз будь добр, рассчитывать, – потребовала Елена, порываясь подняться.

– Постой, – он заставил ее сесть, – если будешь себя хорошо вести, я тебя вылечу.

Елена немного успокоилась и вновь приняла кокетливый вид.

– Вылечишь? Это как?

Ни говоря ни слова, он наклонился к поврежденному плечу и слегка коснулся его губами. В нос ударил тяжелый запах плохих духов. Он поморщился и отпрянул. Кожа женщины была бархатистой и приятной на ощупь. Ее дыхание чуть заметно участилось, глаза заволкло пеленой. Герман снова наклонился к ней и, стараясь не вдыхать, осторожно лизнул ушибленное место. Елена шумно перевела дыхание и откинула назад голову. Кровоподтек, смоченный слюной, стал бледнеть. Он больше не ощущал запаха ее духов, теперь он чувствовал лишь трепещущее женское тело в своих руках. Удары его сердца отдавались в ушах, руки начали подрагивать. Елена потянулась к нему и поцеловала в губы. Она и думать забыла об ушибе, боль разом отпустила ее. Герман ощутил ее теплые руки на своих плечах.

В глазах потемнело, в голове все смешалось, его поглощала яростная животная страсть...

– А-а-а! – раздался вдруг дребезжащий старухин голос. – Молодежь уже спелась, как я погляжу!

Герман поднял голову и так посмотрел на стоящую в дверях возвратившуюся бабуку, что она в испуге отшатнулась и попятилась назад. Собрав последние остатки благоразумия, он сумел взять себя в руки и не наброситься на старуху. Герман резко поднялся, бесцеремонно бросив Елену на постель.

– Купила?

Голос был сдавленным, словно он говорил из-под одеяла.

– Купила, касатик, все купила. Останешься довольным.

Она показала на авоську с несколькими свертками.

– Посмотришь?

– Конечно, посмотрит, баб Мань, что ты глупости спрашиваешь, – встряла в разговор Елена.

Ободренная этими словами, старуха просеменила в глубину спальни и выложила на кровать свертки.

– Вот, – говорила она, распаковывая вещи, – это рубашка, это брюки, вот исподнее и носки...

Герман, не сбрасывая халат, рассматривал принесенные покупки. Они походили на новые, видимо, старуха не решилась обманывать его.

– Ну что же ты, – подзадорила его Елена, – примерь, а мы с баб Маней посмотрим, как сидит.

– Я сам посмотрю, – решительно заявил он, недвусмысленно давая понять, что хочет остаться один.

Елену это слегка задело.

– Пойдем, баб Мань, не хочет нам показывать свои прелести, да нам не больно-то и хотелось.

Она встала и с видом оскорбленного достоинства направилась к двери. Старуха засеменила следом.

Оставшись один Герман прежде всего позаботился о том, чтобы в комнату никто на заглянул, для этого он пододвинул к двери одну из ближайших кроватей. Затем открыл платяной шкаф и встал между двумя створками так, чтобы его не видно было от двери. В шкафу висело большое, но помутневшее от времени зеркало.

Герман скинул халат. В зеркале отразилось его почти обнаженное могучее тело. Талия была обтянута широким кожаным ремнем со множеством карманов. Нож Герман вынул и положил под матрац еще перед тем, как лег на кровать. Он отстегнул ремень и начал облачаться в принесенную одежду. Старуха постаралась на славу. Хлопчатобумажная рубашка была немного коротковата, но зато не жала под мышками. Брюки из серой синтетической материи оказались как раз впору. Не повезло только с обувью, туфли были узки в носках. Однако он решил, что может походить в них какое-то время. Придирчиво оглядев себя в зеркале, Герман остался вполне доволен, он выглядел совершенно обычным человеком. Вернее, не совсем обычным, для этого он был слишком высоким и плечистым. Но вряд ли теперь на него будут с подозрением коситься прохожие на улицах. А это как раз то, что ему нужно.

Женщины шушукались за дверью. Очевидно, Елена расспрашивала старуху о том, как он оказался в квартире. Герман отодвинул кровать и предстал перед женщинами.

– Вот красавец, так красавец! – восхитилась старуха.

Елена молча любовалась Германом, кивками выражая полное единодушие с бабкой.

– Хорошо я постаралась, правда, сынок? – елеинным голоском пропела старуха.

По своему обыкновению Герман промолчал.

– С тебя причитается, – осмелев сказала баба Маня, – я полгорода обегала, пока все это отыскала.

– Врешь, – безо всякого выражения бросил Герман и обратился к Елене: – пойдем прогуляемся.

– Ты меня хочешь куда-то пригласить? – засияла та.

– Я уже это сделал, – ответил Герман и, не дожидаясь ее согласия, взял Елену за руку и направился к выходу.

Она, памятуя о его крутом нраве, даже не думала сопротивляться, тем более что перспектива пройтись по улице с таким мужчиной привела дамочку в полный восторг.

– Куда мы с тобой направляемся? – спросила она на улице, взяв его под руку и повиснув на нем, словно стрекоза на ветке.

– Ты живешь с этой старухой? – спросил Герман, проигнорировав вопрос Елены.

– С чего это? – оскорбилась она. – У меня есть своя отдельная комната на Васильевском, а сюда я просто в гости захожу.

– Она разве тебе не мать?

– Она? – Елена покачала головой. – Она просто моя хорошая знакомая. Прихожу к ней, когда мне скучно становится.

– Подыскиваешь себе пару?

– Что подыскиваю? – удивилась Елена.

– У старухи ведь разные гости бывают, иногда наверняка попадают и такие, которые тебе нужны.

– А какие-такие мне нужны?

Елена даже остановилась и отпустила его руку.

– Почему ты все время пытаешься морочить мне голову? Я прекрасно вижу, что тебе нужно, – безапелляционно заявил Геракл.

– Ах вот как? Может, тогда ты и мне это объяснишь, а то я иногда сама не могу понять, а что же мне все-таки нужно.

– Тебе нужен самец.

Елена выглядела так, словно он влепил ей пощечину.

– И самец породистый, – продолжал он, чеканя каждый слог, – потому что ты самка с претензиями.

– Послушай, Герман, – и снова в ее карих глазах стояли слезы, – если ты собираешься все время меня оскорблять, я лучше уйду.

Она всхлипнула.

– Сначала наставил мне синяков, потом самкой обозвал, что же дальше будет!

– Прости меня, – голос Германа смягчился, – я больше не буду делать тебе больно, если ты сама не будешь меня провоцировать.

– А как это я тебя провоцирую?

– Ты морочишь мне голову глупостями. Давай договоримся один раз и навсегда. Не пытайся изображать передо мной черт знает кого.

– Но ты обозвал меня самкой!

– Разве я не прав? Разве ты не существо женского пола, жаждущее совокупления с существом мужского пола?

С минуту Елена озадаченно смотрела на Германа, вникая в суть его слов.

– Ничего я не жажду, – обиженно проворчала она, – опять ты меня оскорбляешь.

– Не нахожу в этом ничего оскорбительного, – отвечал Герман, – это абсолютно нормальное, естественное явление для любого здорового живого существа.

– Ну и зануда же ты! – хмыкнула Елена, однако снова взяла его под руку.

– Где здесь поблизости можно хорошо поесть? – спросил Герман.

– Какая кухня тебя интересует? Кавказская, китайская, или японская?

– Выбор оставляю тебе, главное, чтобы еда была качественной.

– Тогда кавказская! Мы закажем сациви и чахохбили. И, конечно, красное вино. Ты любишь вино?

– Не знаю, – рассеянно ответил Герман, наблюдая за прохожими.

– Как это?

– Не было случая попробовать.

– Что-то я тебя не пойму... – начала было Елена.

– Послушай, тебе не кажется, что ты задаешь слишком много вопросов? – оборвал ее Герман.

– Ну хорошо, я буду молчать, – поспешно сказала Елена, но не выдержала и добавила: – странный ты какой-то.

Герман искоса бросил на нее быстрый взгляд и промолчал.

Первый заказ почти целиком уничтожила Елена. Герман только попробовал, но не смог есть блюдо, обильно одобренное всевозможными приправами. Он попросил официанта принести еще одну порцию, но безо всяких добавок.

– Ты меня удивляешь, – заявила Елена с полным ртом, – без приправ пропадает весь вкус.

– А по-моему, наоборот, эти пряности убивают весь вкус, – возразил Герман.

Елена качнула головой, но ничего не сказала, мало-помалу привыкая к причудам своего нового знакомого.

Пока ждали заказ, Елена предложила попробовать вина.

– Это мое любимое, – заявила она.

Герман поднял бокал, почти до краев заполненный рубинового цвета напитком. Осторожно пригубил, почмокал губами, чтобы лучше распробовать вкус. Елена внимательно наблюдала.

– Ну как? – спросила она, когда Герман поставил бокал на стол.

– Похоже на виноградный сок.

– Глупый, – засмеялась Елена, – да это же и есть виноградный сок.

Лицо Германа потемнело. Он едва сдержался, чтобы не отвесить женщине пощечину.

– Я просил тебя быть осторожной в выражениях.

– Извини меня, пожалуйста, – спохватилась Елена, – я больше не буду.

– Тем лучше для тебя. Я тоже больше не буду предупреждать тебя.

Хорошее настроение Елены померкло. Герман начинал по-настоящему пугать ее. Она осушила бокал и взяла бутылку, чтобы налить еще. Вдохновленный ее примером, Герман вновь отпил вина. Он стал привыкать к его терпкому вкусу и даже находить в нем удовольствие.

– Если хочешь, мы можем заказать что-нибудь другое, например, водку, – предложила она.

– Нет, пока не будем.

Герман достал бумажник.

– Возьми, – он протянул деньги Елене.

– Зачем это? – удивилась она.

– Посмотри, тут хватит денег, чтобы расплатиться?

Елена деловито пересчитала купюры.

– Хватит, если не будем особенно шиковать, – констатировала она, возвращая бумажник.

– Оставь себе, сама расплатишься.

– Как скажешь, – она покорно положила деньги в сумочку.

К тому времени, как принесли заказ, Герман успел опустошить второй бокал. В голове слегка зашумело. Однако он не терял способности четко соображать, тщательно фиксируя новые ощущения. Елена добросовестно вливала в себя алкоголь, чтобы при помощи этого средства унять нарастающую тревогу. Теперь Герман снова стал казаться ей привлекательным и ужасно сексуальным мужчиной, как тогда, когда она увидела его лежащим на кровати. Какая-то сверхъестественная мужественность исходила от каждой клеточки его тела, даже в банном халате он в ее глазах был способен затмить самую яркую кинозвезду. Но больше всего Елене хотелось узреть своего нового знакомого обнаженным.

Герману понравились мясные блюда, но желудок тотчас же дал понять, что такая пища для него слишком тяжела.

Когда они вышли из ресторана, Герман остался почти совсем без денег. Но его это нимало не огорчало в отличие от Елены, которая с тревогой спросила:

– Ты что теперь, совсем на мели?

– В каком смысле?

– Ну, совсем без денег?

– А если и так, то что в этом страшного?

– Знаешь ли, ты, конечно, парень, что надо, но без денег у нас не проживешь.

– Где у вас?

– Как где? Вообще у нас. Да хотя бы в нашем городе. Если у меня в кошельке нет хотя бы полтинника, я из дома вообще не выхожу, – сказала Елена и с философским видом изрекла:

– Деньги – основа жизни.

– Что же, без денег никак не проживешь?

– Да без них, родимых, и дня не протянешь. Я не знаю, откуда ты такой выискался, и спрашивать не буду, потому что знаю, что ты все равно не скажешь, разозлишься только, – голос Елены звенел, язык слегка заплетался, – только вот поживи у нас здесь еще денек и сам поймешь, что без денег ты не человек.

– Допустим, еду можно добыть и без денег, – возразил Герман, на которого тоже подействовал алкоголь.

– Это как же, интересно? Воровать что ли?

– Способов много, – неопределенно обронил Герман.

– Вот как? Может, ты и меня научишь. А то я за столько лет так и не научилась без денег обходиться.

– Значит, уже и не научишься.

– А ты, значит, научился, – горячо возразила Елена, – то-то я смотрю, одежонку тебе бабка Маня за деньги купила. И в ресторане мы с тобой не за так кушали. А теперь нам надо поехать на машине, потому что пешком до моего дома далеко. У тебя деньги вышли, – Елена помахала перед его лицом опустевшим бумажником, – поэтому платить на этот раз буду я.

– Как далеко до твоего дома?

– На машине с полчаса будет, а на автобусе и вовсе почти час.

– А сколько это в километрах?

– В километрах? – Елена опешила. – Не знаю, не мерила.

– Может, измерим?

– Это как?

– Очень просто, пойдем пешком, и ты узнаешь, сколько это в километрах.

– Ты в своем уме?! – возмутилась женщина. – Да мы до ночи не дойдем до моей улицы. Я не смогу так долго идти!

– Давай попробуем, – настаивал Герман, – если ты сильно устанешь, то мы поедем на машине.

Елене ничего не оставалось, кроме того, чтобы согласиться.

Они шли больше двух часов. Герман по преимуществу молчал, внимательно наблюдая за тем, что происходит на многолюдных улицах. Елена изредка обращалась к нему с вопросами, на которые Герман отмечал по своему обыкновению скухими фразами. Хмель постепенно выветривался и теперь он сам ощутил, что немного устал от пребывания в городе. Снова пришла жажда. Он попросил Елену зайти в ближайший магазин и купить пару бутылок минеральной воды.

– Как странно, – произнесла Елена, увидев, как он в несколько глотков осушил полуторалитровую бутылку, – ты совсем не потеешь. Я уже вся взопрела, а ты совсем сухой.

– Моя система терморегуляции отличается от твоей, – ответил Герман, не отдавая себе отчета, что говорит лишнее.

– Почему отличается?

– Потому что я – другой.

– Это я заметила, – подтвердила Елена, – раз уж ты сам об этом заговорил, то может быть, ты расскажешь, откуда ты взялся и кто ты есть.

– Зачем тебе это знать?

– Интересно. Я таких, как ты, никогда не видела.

– Наверное, и не увидишь.

– Расскажи, – снова повторила Елена, – откуда ты?

Герман посмотрел ей в глаза. На долю секунды он ощутил порыв откровенности. Ему вдруг захотелось довериться этой маленькой женщине. Но, поймав ее жадный взгляд, он разом пришел в себя.

– Потом, – ответил Герман и быстрее пошел вперед.

Елена умолкла и около четверти часа не произносила ни слова. Но когда силы оставили ее, она взмолилась.

– Герман! Я больше не могу. Давай сядем в автобус.

– Сколько осталось до твоего дома?

– Шесть остановок.

– Это мне ни о чем не говорит.

– В километрах я не измеряла.

– Вот и измеришь.

Поняв, что Германа не удастся заставить воспользоваться общественным транспортом, Елена глубоко вздохнула и поплелась рядом с ним. Она уже начинала прихрамывать. Герман тоже устал. Неудобные туфли, тесные в носках, натерли на коже мозоли. Боли не ощущалось, но дискомфорт был налицо. Ему тоже хотелось поскорее закончить этот долгий путь, но он не имел привычки менять свои решения.

Наконец, Елена сообщила, что до ее дома осталось несколько десятков шагов.

– Ты живешь одна? – спросил Герман.

– Да, если не считать соседей.

– Соседи есть у всех.

– Да, только не все встречаются со своими соседями во время каждого похода в сортир.

Герман попросил пояснить непонятную ему фразу. Елена стала объяснять ему, что собой представляет жизнь в коммунальной квартире.

– Мы туда не пойдем, – решительно произнес Герман как раз в тот момент, когда они подходили к подъезду ее дома.

– Ты что?

Елена изумленно воззрилась на своего спутника.

– Я не хочу идти в такое место, где везде и всюду буду наткаться на посторонних людей.

– Куда же ты хочешь?

– Поедем на природу. Я бы хотел оказаться где-нибудь на берегу водоема. Хочу поплавать немного. Поедем к морю.

– Ты сошел с ума! Вода ледяная. Октябрь на дворе.

– Мне нравится холодная вода.

– А мне нет! – теперь настала очередь Елены выйти из терпения. – Если тебе хочется, отправляйся хоть к черту на рога. А я приду к себе и лягу спать. Ты меня уморил.

– Мы поедем на машине.

– У меня не хватит денег, чтобы ехать в такую даль.

– Об этом не беспокойся. Я вовсе не на мели, как ты думала.

Он вынул из кармана увесистую пачку долларовых банкнот.

– Этого нам хватит?

– Ого! – глаза Елены заблестели, совсем как у старухи, когда он в первый раз показал ей деньги.

– Не пойму, чего ради ты заставлял меня тащиться сюда пешком, когда у тебя есть такая куча денег!

– Я просто хотел пройтись по вашему городу.

– Нормальные приезжие обычно не слоняются без толку по улицам, а идут в музеи.

– А кто тебе сказал, что я нормальный приезжий?

– Это точно, – согласилась Елена.

– Ну так как? Поедем?

– Но сначала я все-таки зайду к себе. Мне нужно переодеться и надеть другую обувь.

– Покажи мне окна твоей комнаты, – сказал Геракл.

– Думаешь как-нибудь наведаться в гости? – кокетливо спросила Елена.

– Нет, просто хочу знать, где тебя искать, если ты пропадешь.

Не найдя, что на это ответить, Елена задрала голову и показала спутнику на два окна на четвертом этаже.

– Я подожду тебя внизу, – произнес Геракл.

– Может зайдешь?

Герман качнул головой в знак отрицания. Елена скрылась в подъезде, а он остался стоять внизу. Большой Город оказался не совсем таким, каким он представлял его себе. Чувство разочарования, возникшее еще в квартире у старухи, становилось сильнее. Да, это был пестрый, оживленный мирок, в котором постоянно царила сутолока. Но уже после первых нескольких километров, пройденных по грязным улицам, он понял, что ему здесь скучно. Люди, спешащие в разные стороны, казались ему марионетками, заведенными однажды каким-то великим кукловодом, и с тех пор никак не могущие остановиться, чтобы перевести дух и взглянуть на себя со стороны. Это было мелко и ужасно скучно. Вдруг пришла щемящая тоска. Ему захотелось вернуться туда, откуда он прибыл.

Кто-то рядом громко засмеялся. Он повернул голову и увидел обнимающуюся парочку. Оба, и парень и девушка, выглядели абсолютно счастливыми. В нем снова шевельнулось раздражение.

„Все не так“, – пронеслось у него в голове.

Возникло желание бросить эту глупую курицу, прицепившуюся к нему у старухи, и уйти отсюда. Выбраться за город и вдохнуть в себя соленый воздух моря. Но он знал, что не сделает этого. Не сделает, потому что его миссия еще не завершена.

Елена вышла из подъезда даже быстрее, чем он рассчитывал. Она натянула потертые брюки из джинсовой материи и ярко-красный джемпер. Ноги женщины были обуты в кроссовки. Елена собрала свои светлые длинные волосы в хвост на затылке и стала выглядеть гораздо моложе и, на взгляд Германа, привлекательнее.

– Ну как я тебе? – спросила она.

Герман не преминул высказать Елене свои наблюдения. Женщина была польщена и не скрывала этого.

– Не знаю, зачем я с тобой еду? – задала она вопрос, оставшийся без ответа.

– Ты умеешь водить автомобиль? – спросил Герман.

– Умею. Я два года назад выучилась на права. Но машины у меня нет.

– Ты не знаешь, где ее можно раздобыть?

– Что ты имеешь в виду? Взять напрокат или купить?

– А что проще?

– Проще, конечно, купить. Да и прокаты сейчас уже закрыты. Время, между прочим, позднее.

– Я это заметил. Значит, купим. Где это можно сделать?

– Уж, конечно, не в магазине, – засмеялась Елена, – у меня есть один знакомый, Виталька, который торгует подержанными тачками. Они, естественно, не бог весть какие, но если я попрошу, он выберет для нас сносную. А оформит за пять минут по генеральной доверенности.

– Отлично, поедem к нему.

Елена не двигалась с места.

– Сама не понимаю, чего ради я с тобой время теряю.

– Тебе со мной плохо?

Она пожала плечами.

– Мне с тобой как-то не по себе. Иногда ты меня пугаешь, иногда смешишь. Но все дело в том, что ты мне очень нравишься. Я никогда не видела таких красивых мужиков, как ты. Ты прямо будто из Голливуда. Видел, как на нас все оглядываются?

Герман молчал. Елена, приняв заговорщицкий вид, встала на цыпочки, чтобы приблизить губы к его уху и тихонько сказала:

– Мне страсть, как хочется тебя попробовать.

От неожиданности Герман шагнул назад.

– Ой, – спохватилась Елена, – я и забыла, что ты все не так понимаешь. Я хотела сказать, что хочу переспать с тобой.

– Ты могла бы и не говорить этого. Я это сразу понял, как только тебя увидел.

Елена была уязвлена.

– А ты, что, не хотел меня?

– Хотел, – просто ответил Герман, – я и теперь тебя хочу... попробовать.

Елена засмеялась и снова стала выглядеть довольной жизнью.

Они сели в машину и проехали к ее приятелю, который продал им старую „Ниву“, запросив за нее 1000 баксов.

– Торгуйся, – прошипела Елена и сама накинулась на приятеля с требованиями уступить пару сотен.

Герман достал деньги и протянул их продавцу.

– Машинка – блеск! – обрадовано заговорил знакомый Елены Виталий. – Хоть до Москвы, хоть до Калининграда...

Не дослушав его, Герман обратился к Елене.

– Она в порядке?

– Обижаешь, братан! – встрял Виталий. – Я своим близким друзьям и подругам, – он панибратски хлопнул Елену по спине, – фуфла не предлагаю.

– На том и стоим, – добавила женщина, – но мог бы и сбросить по дружбе пару сотен.

– Сочтемся, – тихо ответил ей Виталий, думая, что Герман его не слышит.

Елена подмигнула в ответ и больше о деньгах не заикалась. Герман сделал вид, что ничего не заметил.

– Тысячу лет за рулем не сидела, – сказала повеселевшая Елена, заводя мотор, – прокатимся с ветерком.

– Ты знаешь дорогу? – поинтересовался Герман.

– К заливу? Еще бы! Я в этом городе уже двенадцатый год живу, вдоль и поперек его изучила.

Герман удовлетворенно кивнул.

– Давай у супермаркета тормознем, купим чего-нибудь пожевать, – предложила Елена.

– Ты проголодалась?

– Пока нет, но на свежем воздухе аппетит прямо волчий становится.

– Тогда давай.

Елена притормозила у ближайшего большого магазина и резво выскочила из машины. Смеркалось. Прохожих на улицах становилось меньше. В воздухе повеяло прохладой, желание

сбросить с себя одежду было уже не таким острым. И все-таки больше всего он теперь хотел снова оказаться на берегу моря, услышать шум прибоя, ощутить на коже холодные брызги пенящихся волн. К вечеру поднялся ветер, значит, волны будут большими. Закрыв глаза, он представил себе пустынный берег и расстилающееся на сколько хватает глаз бушующее море.

Наверное, Хозяин был прав, когда говорил, что он не создан для такой жизни. Ничего другого нельзя было сказать о слабаке, не выдержавшем и дня в Большом Городе. Он возненавидел этот мегаполис всей душой и стремился выбраться отсюда. Скоро он сможет это сделать. Совсем скоро.

* * *

ГЛАВА 3

Так повелось еще в далекие курсантские годы. Кто-то из его приятелей как-то назвал их службу Управлением Удачливых Умников или просто УУУ. Это забавное, хотя и детское название, быстро прижилось и вскоре Секретчик в откровенных разговорах и в собственных мыслях не называл себя иначе, как удачливым умником. В общем-то у него были все основания для этого. Ему действительно всегда везло. Завистники так прямо и говорили, что он родился в рубашке. Он только посмеивался, хотя на сей счет у него имелась собственная точка зрения.

Он и впрямь был убежден, что ему повезло с самого начала. Но везение заключалось не в том, что он всегда оказывался в нужном месте в нужное время (хотя и этой способности у него было не отнять). На самом деле ему повезло в том, что он всегда умел находить единственно правильные решения, в какой бы ситуации он не оказался. Секретчик был слишком умен и проницателен, чтобы понимать, что удача заключается как раз не в этих двух качествах. Разумеется, они являются совершеннейшей необходимостью для человека, выбравшего такой путь, как он. Точно так же как человеку, решившему посвятить себя футболу, нужны ноги, а человеку, желающему заняться боксом, – соответственно, руки.

Природа одарила Секретчика еще одним качеством, которое он считал своей главной удачей в жизни. Об этом, пожалуй, не догадывалась ни одна, даже самая близкая душа. Сам он осознал наличие у себя этой особенности уже далеко не в юношеском возрасте. В молодости в связи с недостатком жизненного опыта, он, подобно окружающим, заблуждался, считая, что ему просто-напросто везет и порой опасался, что колесо Фортуны, как это с ним часто бывает, в один прекрасный момент начнет вертеться совсем в другую сторону. Но после того, как он понял, что именно является основной движущей силой, компасом, с помощью которого он так лихо мчится вперед, все встало на свои места.

Этим качеством, данным ему свыше, очевидно, при рождении, была интуиция, не подводившая Секретчика никогда. У него было очень много случаев, подтверждавших это убеждение и практически ни одного, который мог бы поставить его под сомнение. Лишь однажды в жизни шестое чувство оказалось задремавшим в такой момент, когда ему стоило бы проявиться во всю мощь.

Это было с десяток лет тому назад, или немного меньше, когда он пренебрег сообщениями об ученом, которым заинтересовались спецслужбы одной из западных держав. Разумеется, он проверил сообщение, убедился, что информация яйца выеденного не стоит и отбросил в сторону. Он очень быстро осознал свое упущение, но, увы, единственная минута была безнадежно упущена. Ученого перехватили люди из „конкурирующей организации“ – так Секретчик иронически называл Безопасность.

Сознание того, что кто-то оказался впереди него, было очень и очень неприятным для Секретчика, уже начавшего привыкать к своей неизменной удачливости. Но и в этом случае он поступил так, как должен поступить по-настоящему умный человек, а именно – извлек для себя урок. Секретчик дал себе слово, что впредь, столкнувшись с каким-либо, пусть даже самым абсурдным на первый взгляд явлением, почувствует, что у него, пардон, начинают потеть яйца, он будет последним сукиным сыном, если не предпримет все возможное, чтобы разобраться, почему они это делают.

Теперь ему, кажется, представился случай взять у судьбы реванш за свою ошибку. Он шел к этому очень долго и наконец впереди забрезжил слабый свет надежды.

Как только он получил известие о том, что произошло с „Антеем“, его словно ударили обухом по голове. Почему-то первой оформившейся мыслью, всплывшей в его сознании, было воспоминание о том самом ученом и о его, Секретчика, досадном упущении.

На „Антее“ присутствовало трое его лучших людей, сопровождавших гражданских наблюдателей. Эта экспедиция имела чрезвычайно важное значение. И взрыв подлодки говорил о том, что это понимают люди из „конкурирующей организации“.

Секретчик сидел в своем кабинете и перебирал в уме то, что успел сделать. Прежде всего они стали шерстить всех и каждого, имевшего хотя бы отдаленное отношение к злосчастной подлодке. Как говорил незабвенный персонаж Конан Дойла, чтобы найти виновника преступления, необходимо доискаться до мотива содеянного.

Секретчик очень долго ломал голову, пытаясь найти этот самый мотив. Конечно, самой очевидной версией, была причастность к катастрофе западных служб. Но именно в силу своей очевидности и того, что она напрашивалась первой, эта версия была отмечена Секретчиком практически сразу.

Предположение, что это мог быть несчастный случай, также не выдерживало никакой критики. Секретчик слишком хорошо знал, что на таких объектах, как атомная подлодка непредвиденных несчастных случаев не может быть в принципе.

Еще он понимал, что даже если сможет докопаться до причин и отыскать тех, в чьих интересах было избавиться от гражданских наблюдателей, присутствовавших на учениях, вряд ли у него будут мало-мальски весомые доказательства. Акция была спланирована настолько четко и чисто, что никаких зацепок не обнаруживалось при самых тщательных и скрупулезных поисках.

И тут, когда стало очевидно, что обычными методами здесь не обойтись, Секретчик прибег к своему верному средству. Он сел и попытался вспомнить, какие чувства возникли у него в самый первый момент, после того, как он услышал о взрыве.

По своему богатому опыту, Секретчик знал, что именно эта первая реакция и есть самая главная и самая верная. Как только сознание начинает перекрывать эмоции, чистота восприятия безнадежно теряется. И если первый момент был упущен, то позже уже совершенно бесполезно пытаться отыскать где-то в глубинах своей души правильный ответ на трудный вопрос.

Итак, Секретчик попытался припомнить свое первое ощущение, которое он автоматически зафиксировал в памяти, как привык делать уже многие годы. Ответ пришел почти сразу – ученый с простой, ничем не выдающейся фамилией, Степанов, который занимался морскими животными. Этот ученый, представлявшийся тогда Секретчику эдаким непризнанным гением, занимался проблемами, которые казались разведчику столь же далекими от реальности, как, к примеру, какая-нибудь телепатия или ясновидение. В то же время он прекрасно помнил, что деятельностью Степанова заинтересовались сразу две спецслужбы, за которыми не водилось греха глупости. Причем одной из этих спецслужб была та самая „конкурирующая организация“, которую каждый уважающий себя разведчик мечтал, что называется, заткнуть за пояс. Когда Секретчик узнал об этом, он понял, что дал маху, попытался взять ситуацию под контроль, однако было уже поздно.

Абсурдность предположения о том, что в деле могли быть замешаны дельфины, несколько не ослабила намерения Секретчика вплотную заняться этим расследованием. Он уже давно утвердился в мысли, что действительность зачастую бывает во сто крат абсурднее и фантастичнее любых, даже самых замысловатых выдумок писателей с нестандартным мышлением.

Он начал углубленно изучать научные разработки, связанные с этими обаятельными и популярными в народе обитателями морей. И тут оказалось, что предположение не так уж и абсурдно. Он поручил одному из подчиненных добыть информацию, относящуюся к дельфинам. Час спустя на стол перед ним положили распечатку нескольких статей из Интернета. Секретчик погрузился в их изучение.

Одна из статей, рассчитанная на широкий круг читателей, позволила Секретчику узнать немало нового об этих животных, в частности то, что дельфины – вовсе не рыбы, как он полагал раньше, а звери.

„Каждый моряк расскажет, что дельфины нередко провожают корабли в открытое море. Интересно наблюдать, как неожиданно в разных местах, словно по неслышному сигналу, эти животные парами, тройками и целыми группами выпрыгивают из воды не меньше, чем на полтора метра (дельфины вообще большие любители попрыгать). Описав плавную дугу, они врезаются в воду, чтобы через секунду снова взметнуться вверх. Их глянцевые тела восхищают идеально обтекаемой формой, напоминающей каплю или торпеду.

Дельфины могут развивать очень большую по морским меркам, скорость – 45–50 км в час. Самым быстроходным является белобочка, который водится в Черном море. Его длина двух с половиной метров. Еще крупнее другой дельфин, который также водится в Черном море. Это афалина, длина его тела – около трех метров.

Дельфины представляют собой самых мелких китообразных. Они являются родственниками синих китов, всем известных своими гигантскими размерами, а также кашалотов. Но наиболее близки дельфинам белухи, распространенные на севере России, а также в Охотском и Японских морях.

Дельфины очень легко учатся выпрыгивать из воды, подносить брошенные предметы, плавать в упряжке. Эти животные способны быстро привязываться к человеку. Известны случаи, когда дельфины помогали рыбакам загонять рыбу в сети.

Знаменит на весь мир дельфин Пелорус Джек, который в течение 30 лет проводил суда через опасный пролив в Новой Зеландии, замечательно исполняя роль лоцмана.

Установлено, что дельфины кроме писка издают множество различных звуков. Исследователи выяснили, что эти умные животные способны передавать друг другу сложную информацию. Нередко они оказывают помощь специалистам при подводных водолазных работах: приносят инструменты, передавать послышки. Это уже не из области фантастики, а реально существующие факты.“

Из всего этого следовало, что дельфины – весьма и весьмамышленные создания. Но Секретчика интересовало другое: способны ли они, при умелой дрессировке, опуститься на полторостометровую глубину и заложить мощную взрывчатку в нужное место. Притом, что температура воды в этом море лишь на несколько градусов выше нуля.

Секретчик потянулся, встал из-за стола, подошел к шкафчику, вынул из коробки гаванскую сигару, закурил ее и замер у окна. Впервые за последнее время он чувствовал удовлетворение. Ярость, разбуженная при известии о затоплении подлодки, не ослабла, но немного откатилась, заслонившись надеждой на успех расследования. Прекрасно понимая, что собственными усилиями разведке здесь не справиться, он решился на отчаянный, несколько ребяческий шаг. Секретчик и сам сомневался, что у него получится, но все же рискнул. И, надо же, получилось. Ему не только удалось пристроиться к группе лиц, сопровождающих Президента, но и склонить его к посещению дельфинария.

Все тем же шестым чувством Секретчик ощущал, что именно там может дислоцироваться секретный объект, где работают люди, привлеченные к взрыву (разумеется, лишь в том случае, если таковой объект вообще существует в природе).

– Вот это-то мы как раз и выясним, – вполголоса проговорил Секретчик, дымя сигарой.

Если там что-то есть, он обязательно это почувствует. Он не сомневался в том, что чутье его больше не подведет. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы он смог обмануться. Сегодня в Кремле он узнал, что Президента будет сопровождать группа людей из Безопасности. Это его несколько не удивило. Каждый, кто имел хотя бы отделенное представление о распределении власти в этой стране, был осведомлен о тесных связях главы государства с упомянутой структурой. Фактически, Президента можно было назвать ставленником Безопасности.

Неудивительно, что другие подразделения, как военные, так и гражданские, оказались отодвинутым на второй план. В кулуарах Разведовательного Управления поговаривали о том, что недалек тот день, когда вся власть окажется в руках одной-единственной структуры, которая и во времена Союза обладала очень и очень большим весом. Не было ничего удивительного в том, что те, кому не посчастливилось попасть в когорту избранных, стремились сделать все возможное, чтобы ослабить влияние Безопасности. И Секретчик отнюдь не был исключением. В конце концов, где бы была эта чертова Безопасность, если бы не работа внешней разведки!

Если бы кто-то заглянул в эту минуту в кабинет Удачливого Умника, то наверняка поразился бы перемене, произошедшей в его облике. Обычно добродушный, всегда готовый пошутить сам и громко расхохотаться над чьей-то шуткой, Секретчик издавна слыл весельчаком, невозмутимости которого ничто не способно было разрушить.

Но сейчас, глядя в окно из своего кабинета, отделанного карельской березой, Секретчик выглядел совершенно иначе. Улыбка уступила место злобному оскалу, прищуренные глаза метали молнии. Широкий, обычно гладкий лоб, прорезала вертикальная линия, разделяющая переносицу надвое.

Секретчик говорил себе, что готов на все, лишь бы найти того, кто стоял за гибелью „Антея“, а найдя, он не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить его.

* * *

Осмотр дельфинария, запланированный на восьмое октября, перенесли на день позже, поскольку у Президента был слишком плотный график. Некоторые из сопровождающих главу государства начали шептаться, что посещение единственного в стране дельфинария подобного типа и вовсе не состоится, однако они ошибались. Секретчик был не из тех, кто способен опустить руки, если проблема представляется неразрешимой. Он по своему обыкновению предвосхитил вероятность такого положения дел и предпринял собственные шаги.

Президент прибыл в курортный город шестого октября. А седьмого в местных газетах, на радио и телевидении вдруг стали появляться сообщения о том, что местный дельфинарий, где лучшие исследователи страны проводят эксперименты с этими умнейшими морскими млекопитающими, мог бы пролить немало света на трагедию, произошедшую в одном из северных морей. Информация грешила размытостью и отсутствием реальных фактов, но ее хватило на то, чтобы пресса начала усердно муссировать слухи об „истинных“ причинах визита Президента на юг страны, в то время как его присутствие как нельзя больше необходимо там, где ведутся работы по расследованию катастрофы с подлодкой. То, что этот самый визит на юг страны был запланирован еще три месяца назад и оба южных края готовились к нему не покладая рук, как-то сразу выветрилось из умов журналистов. По мнению определенного числа людей, эта частичная амнезия имела под собой весьма основательный фундамент. Так считал и полковник ГосБеза, сопровождавший Президента в его поездке.

Если Секретчик был весьма заметной персоной среди лиц, сопровождавших главу государства в поездке на юг, то Держинец предпочитал держаться в тени. Он умел не привлекать к себе внимания, быть чем-то вроде тени. Он говорил только тогда, когда к нему кто-либо обращался. А поскольку такое случалось крайне редко, то и говорил Держинец крайне мало. Он никогда без необходимости не выдвигался на первый план. И так хорошо умудрялся теряться среди многочисленной группы сопровождения Президента, что никто не замечал ни его присутствия, ни его отсутствия. Никто, за исключением лишь одного человека, который, хотя никогда не заговаривал с Держинцем, ни разу за все время поездки не упускал его из поля зрения.

Девятого октября, в четырнадцать ноль-ноль, глава государства должен был сесть на самолет и отбыть в административный центр соседнего края. Держинец очень надеялся, что

осмотр дельфинария все же отложится на неопределенный срок. Он прилагал к этому все усилия, но они оказались напрасными. Держинец знал, кого он должен „поблагодарить“ за эту услугу. На протяжении трех дней визита, очень насыщенных всевозможными мероприятиями, Держинец то и дело сталкивался со своим давним знакомым, генералом из военной разведки. Между ними были давние счеты. Естественно, ни тот, ни другой, не афишировал „теплых“ чувств. Секретчик едва удостоивал Держинца вниманием, впрочем и последний не баловал разведчика сердечным отношением. Вряд ли кто-то из остальных участников сопровождения Президента догадывался о том, что эти двое были знакомы друг с другом. А если и знал, то предпочитал оставаться на позициях нейтралитета. Ни дать, ни взять, королевская свита. И интриги не намного отличаются от тех, что имели место быть при дворе того же Людовика XIV.

Итак, девятого октября в десять ноль-ноль Президент отправился в Центр исследования морских млекопитающих – так официально именовался дельфинарий. Нельзя сказать, что он совершал осмотр с особой охотой, с гораздо большим желанием глава государства посетил бы иной объект, к примеру, военный завод или крупнейшее на юге страны ракетное училище. Но дело приняло такой оборот, что об отмене запланированного визита не могло быть речи.

Впрочем, Президент не пожалел о посещении. С первых же минут пребывания стало ясно, что работники дельфинария усердно готовились продемонстрировать высокому почетному гостю плоды своих неусыпных трудов.

Стояла великолепная погода. В курортной зоне это называется роскошно: бархатный сезон. Действительно, субтропическая природа была похожа на декорации пьесы эпохи королевы Виктории – все застыло в такой чинной, но в то же время изысканной неподвижности. Сам воздух, казалось, был пропитан особой, ласковой теплотой. Солнце грело, источая уют, словно камин в зале королевского дворца.

У главных ворот Президента встретил директор дельфинария с несколькими заместителями. Гостей препроводили к большому овальной формы бассейну, с трех сторон окруженному рядами зрительских скамеек, поднимающихся амфитеатром. Все это было вполне типично и нисколько не впечатляло. Президент занял место в первом ряду и просмотрел милую, но неоригинальную программу с участием десяти дельфинов. Директор, сидящий рядом с Президентом, взял на себя роль экскурсовода.

– В нашем центре проводится изучение практически всех видов морских млекопитающих, обитающих в Черном море. Но основной акцент мы делаем на дельфинах, как на наиболее перспективных животных. У нас здесь собрано около двух десятков афалин, – говорил он, в то время как его питомцы прыгали через обручи, крутили их на мордах и лапах, выпрыгивали на кромку бассейна по десять, двадцать раз кряду, принимали вертикальное положение, с молниеносной скоростью двигая хвостовыми плавниками и выполняли множество столь же очаровательных трюков.

– Афалины, – продолжал директор, – представляют собой самых крупных черноморских дельфинов. Кроме того, это одни из умнейших представителей своего дельфиньего племени. Надо заметить, что афалины лучше всего переносят неволю и замечательно поддаются дрессуре. Помимо них в нашем дельфинарии имеются более мелкие виды: азовка, или морская свинья и белобочка, или обыкновенный дельфин. Эти дельфины предпочитают открытые моря, ныряют не так глубоко, как их более крупные собратья, а кормятся, соответственно, в поверхностных слоях моря.

Тем временем в бассейне затеяли игру в водный волейбол. Дельфины отбивали мяч с таким проворством, что Президент не мог удержаться от аплодисментов. Разумеется, остальные почетные зрители последовали его примеру.

– Таким образом, – директор с увлечением продолжал рассказ, – в нашем дельфинарии существует не только этот бассейн, где сможет прожить с относительным комфортом лишь афалина. Вы, я полагаю, уже знаете, что мы отгородили небольшую бухту, где наши питомцы живут

практически в естественных условиях и в то же время постоянно находятся под нашим контролем. После представления мы покажем вам нашу систему регуляции постоянного уровня воды в искусственном и естественном бассейнах. Я думаю, – самодовольно добавил директор, – что нам есть чем гордиться. Наша система уникальна не только для России, но и для всей Европы. Во всем мире отыщется не более трех-четырёх аналогов нашего дельфинария.

Президенту, похоже, прискучило выслушивать похвалу директора дельфинария. Он задал вопрос:

– А правда ли, что интеллектуальные возможности дельфинов превышают потенциал всех других млекопитающих, в том числе человека?

Директор ответил не сразу.

– Видите ли, господин Президент, я не стал бы утверждать этого столь однозначно. Хотя многие мои коллеги на Западе и в нашей стране придерживаются именно такого мнения. Здесь присутствует один из виднейших ученых в этой области, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Академии Наук Российской Федерации Георгий Ираклиевич Берианидзе, предлагаю выслушать его мнение по этому вопросу.

Директор указал на низкорослого усатого человека с лысеющей шевелюрой, который при упоминании своего имени немедленно выдвинулся вперед.

– Дело в том, – начал профессор Берианидзе, – что дельфины действительно обладают без преувеличения огромным мозгом. В частности, у афалины головной мозг намного превосходит своими размерами мозг человека. Для сравнения: в среднем наш с вами мозг весит приблизительно полтора килограмма, в то время как у дельфина его вес на двести-триста граммов больше. Но если и дальше проводить параллели, то мы выясним, что у кашалота головной мозг достигает шести-семи килограммов и более, а у слона – не менее пяти. Но это не означает, что слон или кашалот обладает большим интеллектуальным потенциалом, нежели человек. Таким образом, величина мозга не является показателем умственных возможностей. Тем более, что по отношению к массе тела вес мозга дельфина уступает коэффициенту человека, но превосходит такие же показатели у других животных. Если не возражаете, я приведу результаты исследований величайшего ученого профессора Дюбуа.

Президент не возражал.

– Дюбуа ввел такое понятие, как специальный коэффициент цефализации мозга.

Директор, увидев, что Президент не вполне понимает, о чем идет речь, поспешил вклиниться в разговор.

– Профессор имеет ввиду развитие мозга, – пояснил он.

– Так вот, – продолжал Георгий Ираклиевич, – коэффициент цефализации представлен следующим образом: у шимпанзе он равен 0,74, у собаки – 0,45, у дельфина – 2,25, а у человека – 2,89. Таким образом, можно видеть, что дельфин по этому показателю гораздо ближе человеку, нежели другие животные. Об этом же говорит и строение мозга. У дельфина наблюдается извилина и борозды, что является доказательством их высокого развития. Больше того, – с жаром продолжал профессор, – в последние годы проведен целый ряд детальных исследований строения головного мозга дельфина. Результаты были поистине сенсационными: по числу нервных клеток, по их плотности мозг дельфина практически идентичен мозгу человека.

Берианидзе несло, а Президент явно заскучал. Кое-кто начал украдкой поглядывать на часы – время, отведенное на эту экскурсию, шло к середине.

– Простите, – раздался вдруг бархатистый бас откуда-то из заднего ряда, – по-моему, вас попросили объяснить, превышает ли коэффициент интеллекта дельфина человеческий, или нет.

Все с удивлением посмотрели на плотного крупного мужчину в шелковой рубашке, пытающегося сигарой.

– Лекцию о строении мозга млекопитающих вам, кажется, не заказывали.

Раздались тихие смешки. Президент, кинув благодарный взгляд на человека с сигарой, снова повернулся к профессору.

– Если вы не заметили, – произнес уязвленный исследователь, – я как раз об этом вам и рассказываю.

– Нет, – ответил все тот же мужчина, – не знаю, как другие, а я этого не заметил.

Смешки стали громче. Директор дельфинария поспешил исправить ситуацию.

– Видите ли, – сказал он, обращаясь исключительно к Президенту, – наш профессор, работами которого мы по праву можем гордиться, посвятил очень много лет изучению как раз того вопроса, которым вы заинтересовались. Эта проблема волнует массу ученых уже с давних пор. Как вы хорошо помните, дельфинов пытались использовать в военных целях еще во время Второй Мировой войны...

В глазах Президента загорелись огоньки интереса. Профессор Берианидзе хотел было что-то сказать, но директор не дал ему такой возможности.

– Полагаю, что Георгий Ираклиевич не станет возражать, если я попытаюсь резюмировать все им сказанное.

Тон, которым было произнесено данное заявление, не оставлял сомнений, что Георгий Ираклиевич позволит своему начальнику это сделать.

– На данный момент, хотя и проведено огромное количество исследований, наука находится на начальной стадии изучения мозга дельфина. Мы еще не можем сказать с полной определенностью, насколько развиты в нем те отделы, которые ответственны за те или иные функции, в частности, мы не можем сказать, как происходит переработка информации, получаемой мозгом дельфина. Существует несколько точек зрения по этому поводу, я остановлюсь на трех из них: первая точка зрения, к которой, кстати сказать, присоединяемся и мы с профессором, – Берианидзе при этих словах энергично закивал, – такова: мозг дельфина развит чрезвычайно высоко и практически не уступает мозгу человека, но мы еще слишком мало изучили его потенциальные возможности. Другие считают, что умственные способности дельфинов многократно превосходят человеческие, по крайней мере по некоторым признакам. И наконец, третьи уверяют, что дельфин занимает промежуточную ступень между обезьяной и собакой.

– Все ясно, – сказал Президент, поднимаясь со своего места, – с этого бы и начинали говорить.

– Вы не так поняли! – не удержался Берианидзе. – Да, мы еще не изучили все возможности мозга дельфинов, но это не значит, что у них нет способностей. Я бы даже сказал, что мы сами еще не доросли до такого уровня, когда смогли бы по достоинству оценить интеллектуальный потенциал этих уникальных животных.

Тем временем группа почетных экскурсантов обошла бассейн и теперь направлялась в сторону естественного водоема. Они шли вдоль довольно длинного канала трехметровой ширины, глубина которого, по словам директора, достигала около пяти метров.

– Обратите внимание, – продолжал экскурсию директор дельфинария, – в канале имеется два шлюза, при помощи этих сооружений мы регулируем подачу воды в бассейн. Как вы сможете убедиться, наша система работает безотказно. На поступление воды не влияют ни приливы с отливами, ни штормы.

Бассейн располагался примерно за пятьдесят метров от бухты.

– Здесь, – директор вытянул руку по направлению к морю, – наши питомцы обитают практически в тех же условиях, что и их собратья на воле. Никто не станет оспаривать мнения, что гораздо продуктивнее исследовать животных в той среде, в которой им предназначено обитать матерью-природой.

Никто из членов делегации не стал оспаривать этого мнения.

– Какие именно эксперименты проводятся в вашем центре? – задал вопрос Президент.

– О! Всевозможные! – воодушевился директор. – Прежде всего нас интересует система взаимоотношений между особями. Причем не только представителями разных полов, но и разных видов. На площади почти в тысячу гектаров – а именно столько составляет площадь этого полуестественного-полуискусственного водоема, обитает более сотни различных видов дельфинов и китообразных. Надо заметить, что дельфины являются высокоорганизованными животными. В этом они превосходят даже высших обезьян. Нам очень трудно по достоинству оценить их способности, поскольку они обитают в совершенно иной среде, в иных условиях жизни. Соответственно, они обладают иными потребностями. Человеческие понятия и мерки чаще всего оказываются неприменимыми к дельфинам, с их особым восприятием жизни, отношением к другим животным и, конечно, общению друг с другом. Безусловно, дельфины наделены способностью к тончайшей психической деятельности.

Достаточно упомянуть их сложнейшую систему сигнализации, по сравнению с которой наша человеческая система общения представляется попросту тривиальной.

Президента явно интересовал иной вопрос. Поняв, что директора, как и профессора Берианизде, постоянно относит в другую сферу, он решил задать его напрямик.

– Меня интересует, можем ли мы использовать дельфинов в качестве подрывников наводных и подводных судов?

Директор озадачено переглянулся с профессором и, поколебавшись с минуту, произнес:

– Я тоже читал эти нелепейшие выдумки доморощенных фантазеров. Я возмущен тем, что нашу серьезную работу, которая, я уверен, будет иметь громадное значение для всего человечества, принижают и даже опошляют подобными предположениями. То, что во время Второй Мировой войны люди активно пользовались услугами дельфинов для уничтожения вражеских кораблей, абсолютная и однозначная чушь. Я заявляю это с полной ответственностью. Возможно, один или два раза такой факт действительно имел место быть, но это не более чем совпадение нескольких различных факторов. Я бы сказал, простое везение. С таким же успехом, можно было послать собаку, чтобы она подбросила бомбу в поезд. Физически этого можно было бы добиться, но только в том случае, если бы эту собаку не заметили с поезда, не застрелили бы, если бы ей благополучно удалось догнать поезд и уравнивать скорость своего движения со его скоростью движения... И еще множество других факторов. То же самое относится и к дельфинам.

– Но не вы ли только что сказали, что эти животные обладают высочайшей восприимчивостью к дрессировке?

Это снова заговорил импозантный мужчина в шелковой рубашке, уже докуривший свою сигару и с живейшим интересом слышавший разговор директора с Президентом.

– Да, я и не отрицаю этого факта, – ответил тот, – но, если вы помните, я сказал также, что мы, люди, еще не готовы к тому, чтобы уметь использовать эти способности в достаточной степени.

– То есть, вы хотите сказать, – не отставал мужчина, – что дельфины в принципе не способны взорвать подлодку, я вас правильно понял?

Директор ответил не сразу. Тщательно взвешивая каждое слово, он медленно и очень убедительно произнес:

– Я уверен, что дельфины не способны на это. Если вы хотите узнать, почему я так считаю, то вам придется задержаться и выслушать подробную лекцию на эту тему.

Мужчина пожал плечами.

– Думаю, что могу обойтись и без этого. Готов поверить вам на слово.

Президент был вполне удовлетворен полученной информацией.

– Ну что ж, думаю, мы все осмотрели? – обратился он к директору дельфинария. – Нам пора.

– Вы уже хотите уехать? – директор мигом расстроился. —

Но мы приготовили катер, чтобы показать вам наш естественный водоем.

– К сожалению, на это у нас сейчас нет времени, – сказал Президент, он выглядел несколько утомленным, – давайте отложим это на мой следующий визит в ваш замечательный дельфинарий.

Вся делегация направилась к бассейну. Директор долго набирался храбрости и, наконец, произнес:

– Надеюсь, теперь вопрос о субсидировании нашего дельфинария не будет стоять так остро?

– Я об этом ничего не знал, – сказал Президент и обратил взор на помощника губернатора края.

Тот выступил вперед.

– Да, у нас стоял этот вопрос. Перечисления из краевого бюджета на поддержание существования этого дельфинария в двадцать раз превышают субсидирование всех детских садов нашего города, вместе взятых.

Директор вспыхнул от возмущения.

– Вы упустили из вида, какие прибыли приносят наши представления и экскурсии, – заявил он.

Помощник губернатора даже не счел нужным отвечать на эту реплику, презрительно махнув рукой.

– Наша работа имеет огромное значение для всей страны. Через десять-двадцать лет ваши внуки скажут вам спасибо.

Он собрался разразиться бурной тирадой, но, вовремя вспомнив о том, что рядом стоит Президент страны, осекся и умолк, скорбно глядя на главу государства.

Все молча ждали высшего решения.

– Я доволен тем, что вы делаете, – веско сказал Президент, – России нужны такие центры. Думаю, целесообразно будет поставить вопрос о том, чтобы субсидировать дельфинарий из федерального бюджета.

На этом осмотр был завершен. Президент и сопровождающие его лица погрузились в автомобили и помчались в аэропорт.

Глава государства находился в приподнятом настроении. Он считал, что поездка в курортный город вполне удалась. Все разделяли его точку зрения. Лишь один человек – импозантный мужчина в шелковой рубашке, вместо удовлетворения ощущал досаду и раздражение.

* * *

Они ехали по ночному шоссе, освещенному фонарями. Елена тихонько мурлыкала себе под нос какую-то песенку. Герман, не отреагировав на ее возвращение из супермаркета, по-прежнему сидел с закрытыми глазами, откинувшись на подголовник. Женщина несколько раз безрезультатно окликнула его и оставила в покое, решив, что он задремал.

В открытые окна врывался прохладный ветер. Это немного взбодрило его. Может быть, все нет уж и плохо, думалось ему. Может быть, то, что эта соглашается ехать с первым встречным черт знает куда, еще не означает, что она безмозглое создание. Возможно, Елена и впрямь прониклась к нему симпатией и доверием. Не может же только один единственный инстинкт совокупления заставлять ее рисковать своей жизнью.

В том, что пугает Елену, сомнений не было. Женщина боялась его, но тем не менее не предпринимала ни малейшей попытки избавиться от общества странного незнакомца. Ему вспомнился кинофильм, в котором за одиноко бредущим человеком увязалась бездомная собачонка. Человек сначала бросил животному кусок своего бутерброда. Собака съела его и потрусила за своим благодетелем. Когда она слишком приблизилась к нему и начала путаться

под ногами, человек угостил ее пинком. Животное заскулило и, поджав хвост, отбежало на несколько шагов. Но только отбежало, продолжая держаться поблизости в надежде на еще одну подачку. Он не помнил, чем закончилась история, кажется, Хозяин не дал ему досмотреть картину, но этот малозначительный эпизод накрепко врезался в его память и теперь почему-то всплыл, усилив его тоску.

Елена напоминала ему как раз такую собачонку. Неприкаянное одинокое животное, тоскующее по ласке, готовое принимать пинки, если только за ними последует подачка. В душе возникло гадливое чувство. К нему пришло понимание того, что он выбрал не ту женщину, которая ему нужна.

А что если он велит ей остановить эту колымагу и убраться отсюда, куда глаза глядят? Он даже может наградить ее напоследок деньгами, чтобы хотя бы таким образом возместить ей моральный ущерб. Зачем ему нужна эта глупая собачонка? Неужели он не достоин большего? Тут он поймал себя на мысли, что помимо презрения испытывает к Елене еще какое-то чувство. Он не сразу смог определить его, так как оно было для него совершенно новым. Но, поразмыслив, признался себе, что просто-напросто жалеет эту женщину. Ему казалось, что стоит ее приласкать и она станет такой же верной и преданной, как та собачонка, которую человек спас от голодной смерти и предоставил ей кров. Да, он так и сделает, только сначала ему нужно научиться у нее кое-чему.

– Покажи мне, как нужно водить машину, – произнес он, отрывая голову от спинки сиденья.

– Хочешь научиться? – оживилась Елена. – Я, конечно, могу тебе показать, но сейчас не очень подходящее время. Лучше это делать, когда светло.

– Не твоя забота. У меня хорошее зрение.

– Как хочешь.

Елена притормозила.

– Пересаживайся.

Герман уселся на водительское сиденье, женщина перебралась на пассажирское.

– Это педали, – сказала она, указывая вниз, – педаль газа, педаль тормоза и педаль сцепления. Это коробка передач, скорости переключаются вот так.

Она положила свою руку на его, лежащую на рычаге.

– Нужно перемещать его очень осторожно, а то ты со своей силищей вырвешь рычаг с корнем.

Он умел быть послушным и внимательным учеником. Не зря Хозяин постоянно оставался доволен результатами его обучения. Труднее всего было постичь науку трогаться с места без рывков и пробуксовки, зато повороты и торможения Герман освоил на удивление легко. На то, чтобы научиться вовремя переключать скорости и сбрасывать сцепление, у Германа ушло около часа. Если бы не темное время суток, он скорее всего научился бы гораздо быстрее. Правда, в это время машин на трассе почти не было, что существенно облегчало процесс обучения.

Через два часа с небольшим Герман вполне сносно управлял машиной. Елена, разумеется, присвоила эту заслугу своей персоне.

– Мне можно идти работать инструктором по вождению, – заявила она, откинувшись на спинку сиденья.

– Не думал, что у автомобиля такой тяжелый ход.

– Это просто тачка такая старая. Вот если бы вместо древней „Нивы“ была бы „бэха“ или еще лучше „Мерс“, это был бы полный кайф.

Елена полезла в недра заполненного пакета, вынула из него пачку „Парламента“ и зажигалку. Прикурила и затянулась. Едва сизый дым сигареты достиг его ноздрей, Герман резко нажал на педаль тормоза, отчего женщина чуть было не стукнулась лбом о панель.

– Выбрось немедленно! – закричал он так, что перепуганная Елена поперхнулась дымом.

– Ты чего? – спросила она, держа сигарету перед собой.

– Я сказал, выбрось свою сигарету! – еще громче крикнул он, выхватил из ее пальцев дымящуюся сигарету и швырнул за окно.

– Ты что, не переносишь сигаретного дыма? – осторожно спросила Елена.

– Выбрось всю пачку, – сквозь зубы процедил Герман.

– Хорошо, как скажешь, – Елена поспешно избавилась от сигарет, руки ее дрожали, как впрочем и голос. – Я и сама, если честно, тоже не курю. Иногда только балуюсь.

– Ну и дура, – бросил Герман, снова заводя мотор.

– Не пойму, зачем надо было поднимать такой крик, – прерывающимся голосом заговорила Елена, – мог бы просто спокойно сказать, что не хочешь, чтобы я курила.

Герман не удостоил ее ответом. Елена притихла, вжавшись в сиденье. Ее снова охватила тревога. Несколько раз женщина порывалась спросить о чем-то Германа, но, так и не решаясь, хранила напряженное молчание.

Ветер, рвущийся в окно, становился все свежее, возвещая о приближении моря. Впереди показалась развилка.

– Куда теперь? – спросил Герман.

– Направо, – тихо ответила Елена.

Он бросил на нее косой взгляд.

– Что с тобой?

– Ты еще спрашиваешь! – в ее голосе уже в который раз за этот долгий день зазвенели слезы. – Наорал на меня, как на собаку, а теперь спрашивает. Я для него вся выкладываюсь. Весь город пешком прошла, машину добыла, ездить научила, а он...

– Положим, машину ты не только для меня добывала, – хмуро усмехнулся Герман, – я прекрасно видел, как ты переглядывалась со своим приятелем.

– Ну и что! – не растерялась Елена. – Что я, не имею права что-то урвать себе, если ты деньгами разбрасываешься, а мне сапоги купить не на что.

– Тебе нужны деньги?

– А кому они не нужны? Тебе, что ли?

Видимо, Елена и впрямь здорово разозлилась, впервые она говорила с ним так дерзко. Как ни странно, это ему даже понравилось.

– Я думаю, деньги мне не скоро понадобятся. Когда все закончится, я отдам тебе все, что у меня осталось.

Это обещание одновременно и ободрило, и встревожило женщину.

– Ты о чем? – спросила она.

– О тебе и обо мне.

– Послушай, я как раз хотела тебя спросить, что ты собираешься делать?

– А разве ты сама не знаешь?

– Я сначала думала, ты просто хочешь подышать свежим воздухом, устроить что-то вроде пикника. А теперь мне кажется, что у тебя на уме совсем другое.

– Почему ты так решила?

– Не знаю, – Елена пожала плечами, – мне так кажется.

– Успокойся, ничего плохого с тобой не случится. Все будет так, как ты и предполагала.

– А как я предполагала?

Герман промолчал.

– Сейчас будет еще один поворот и пойдет грунтовая дорога. Нужно свернуть туда, – пробурчала Елена недовольным тоном.

– Сколько еще ехать?

– Километров пять или даже меньше.

Грунтовая дорога вся была испещрена рытвинами и колдобинами. Машину трясло так, что, казалось, она вот-вот развалится на части. Но этого не произошло. Они благополучно добрались до берега моря, как раз в том месте, где был гигантский искусственно сооруженный мол.

– Брр, холодно, – поежилась Елена.

Герман выскочил из машины и, скидывая на ходу обувь и одежду, побежал в воду. Холодные волны приняли его в свои объятия. Он нырнул и проплыл под водой с десятков метров. Все его тело пронизало бодрящим оживляющим холодом. Он наслаждался.

Накупавшись вдоволь, Герман поплыл к берегу. Елена стояла у самой кромки, то и дело отбегая назад, чтобы не промочить ноги.

– Наконец-то! – воскликнула женщина, когда он показался неподалеку.

– Иди сюда! – позвал Герман, который в этот момент чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Она покачала головой.

– Я не могу! Вода слишком холодная!

Он вышел на берег. Елена подалась ему навстречу.

– Какой ты мокрый! – она прижалась к нему, обхватив руками его шею.

Он нашел ее губы и впился в них долгим поцелуем. Потом поднял Елену на руки и понес к морю.

– Что ты делаешь! – закричала она, когда она оказалась в воде по пояс.

Не отвечая, Герман принялся стаскивать с женщины одежду. Елена забилась в его руках, пытаясь вырваться.

– Не бойся, – прохрипел он, – все будет хорошо.

Она притихла, поняв, что бороться с ним бессмысленно.

– Только не бросай мою одежду в море, – взмолилась Елена.

Он швырнул джемпер и брюки на песок, кроссовки к тому времени были безнадежно потеряны. Та же участь вскоре постигла и белье женщины. Елена дрожала, словно в лихорадке. Его тоже трясло. Он сжимал в своих железных объятиях хрупкое тело женщины, заставляя ее вскрикивать от боли. Но он уже полностью утратил контроль над своими чувствами, превратившись в безумного зверя. Он хотел обладать этой женщиной и никакая сила не могла остановить его.

Спустя минуту раздался горловой звук, он ослабил хватку. Елена, почти потерявшая сознание от боли, холода и ужаса, поняв, что Герман сделал свое дело, снова принялась отбиваться от него. Он выпустил женщину. Она кое-как добралась до берега, нахлебавшись при этом воды и в изнеможении опустилась на холодный песок.

Оставаясь в воде, он думал о том, что это свершилось. Теперь он сможет сказать Хозяину, что смог обладать женщиной. Почему-то эта мысль была первой, которая пришла ему в голову после того, как он испытал то, о чем мечтал столько времени.

Он медленно вышел из воды и направился к лежащей женщине. Склонившись над ней, он взял ее за руку. Елена была жива и даже пребывала в сознании.

– Пусти меня, – простонала она, вырывая руку.

Он отпустил ее. Нашел одежду и накинул на нее джемпер. Елена сразу встрепенулась. Принялась облачаться в промокшие вещи. Ее зубы отбивали мелкую дрожь. Рукав джемпера перекрутился, Герман наклонился, чтобы помочь ей.

– Убери от меня руки! – взвизгнула Елена.

Она вскочила на ноги и побежала к машине, так и не надев джемпер. Герман последовал за женщиной. Рыдая, Елена села за руль и попыталась завести автомобиль. Но ключ никак не желал попадать в скважину замка зажигания и, наконец, вывалился из ее дрожащих пальцев. Герман обошел „Ниву“ и сел рядом с женщиной.

– Успокойся, – сказал он ей, протянув к ней руку.

Сам он был уже совершенно спокоен, смятения чувств как не бывало. Он снова был таким, каким привык видеть его Хозяин – рассудительным, хладнокровным и презрительным.

– Оставь меня! Я не хочу тебя видеть!

Елена, поняв, что машину завести не удастся, сделала попытку из нее вылезти. Однако Герман не позволил ей этого.

– Успокойся, – повторил он, заставив сесть на прежнее место. – Ничего страшного с тобой не случилось. Ты же сама этого хотела не меньше меня.

– Я! – голос Елены срывался от негодования. – Я хотела, чтобы меня затащили в ледяную воду и там изнасиловали, как последнюю шлюху?!

Она хотела было продолжать, но Герман грубо прервал ее:

– А разве ты не шлюха?

– Я? – Елена не сразу нашлась, что ответить. – Я тебя ненавижу! – злобно выкрикнула она, оскалив зубы.

Герман невозмутимо разглядывал женщину, словно она была подопытным кроликом, над которым только что произвели новый эксперимент.

– Я хочу выйти отсюда! – закричала Елена, порываясь открыть дверь.

– Сиди, – Герман положил свою руку ей на плечо.

– Ты маньяк! Садист! Зверь! Тебе мало того, что ты со мной сделал, ты еще чего-то хочешь?

– Ты мне не нужна. Как только рассветет, я оправлю тебя восвояси. Потерпи еще немного. Я отдам тебе все деньги, которые у меня остались и машина будет твоей.

– Мне от тебя ничего не нужно, – заявила Елена, однако же сбавила тон и перестала вырываться. – Получил все, что хотел, а теперь хочешь со мной расплатиться!

Она взглянула на Германа с такой ненавистью, что ему стало немного не по себе. Оказывается, в этой женщине была гордость. Захотелось проверить, так ли разительно она отличается от собачонки из кинофильма, как это теперь представляется.

– А что, ты этим не довольна?

– Я тебя ненавижу, – снова произнесла она, но теперь в ее голосе сквозило больше усталости, чем злобы.

– У меня болит все тело, – пожаловалась она, – ты хватал меня, как дикий зверь.

Вместо ответа Герман протянул женщине маленькую таблетку синего цвета.

– Что это?

– Проглоти ее, тебе станет легче.

– Это что, наркотик? – опасливо спросила Елена.

– Нет, это не наркотик. Это что-то вроде витаминов.

Женщина нерешительно взяла таблетку и поднесла ее к губам.

– Не бойся, – воодушевил ее Герман, – попробуй и сама увидишь, как поможет.

Елена поверила и проглотила таблетку. Герман ясно видел сомнение, читавшееся в ее глазах. Но магнетическая сила, исходящая от этого мужчины, лишала женщину способности сопротивляться ему.

– Это радиоприемник? – спросил Герман, указывая на автомагнитоу.

– Да, – проговорила Елена, – только не знаю, будет ли он работать.

Герман нажал на кнопку. Раздались треск и громкое шипение, но покрутив ручку, он сумел найти нормально вещавшую волну. Некоторое время Герман слушал музыку, закрыв глаза и думая о чем-то своем. Елена притихла на соседнем сиденье.

Вскоре пробило два часа ночи. В эфире зазвучал голос диктора, передававшего последние новости. Как и следовало ожидать, сообщения начались с информации о взрыве на АПЛ.

Сначала диктор сказал, что получено согласие на участие иностранных специалистов в спасательной операции.

– В своем интервью нашему радиоканалу президент России заявил – цитата: „Мы будем стремиться к тому, чтобы все, кто есть на борту подлодки, были изъяты из лодки и доставлены на берег. Для решения этого вопроса имеются разные предложения“ – конец цитаты. По мнению президента, самым простым и эффективным способом будет „разрезать корпус лодки“. Обсуждаются также проекты подъема и транспортировки лодки на мелководье. Президент подчеркнул, что проблема является технически очень сложной. Сейчас эти вопросы прорабатываются и российскими специалистами и партнерами за границей. Таким образом, можно сделать вывод, что это будет международный проект.

„Интересно, – подумалось ему, – что сейчас предпримет Хозяин. Знает ли он уже, что из троих посланных на это дело, вернется назад только один?“.

Стали передавать другие новости, но больше он не слушал, предавшись собственным размышлениям.

Елена уснула. Он слышал ее мерное глубокое дыхание. В полумраке вырисовывался ее курносый профиль. Он заметил, что лицо женщины несколько осунулось. Но после таблетки она будет выглядеть и чувствовать себя гораздо лучше.

Почему он не убил ее? Почему не отпустил? В чем дело? Он совсем не такой представлял себе встречу с женщиной. Ему казалось, что, едва столкнувшись с какой-нибудь девицей, он незамедлительно опробует ее, а потом выбросит, словно использованную вещь, не пригодную более. Так почему же он вместо того, чтобы избавиться от этой надоевшей ему женщины, сидит с ней в машине и смотрит, как она спит? Почему он дал ей таблетку, когда по логике вещей должен был задушить ее и отправить ее мертвое тело в море? Не об этом ли он думал, когда отказался идти в ее квартиру и, заставив ее купить автомобиль, привез на пустынный берег?

Герману вспомнилось, что до того, как они приехали на побережье, у него возникло намерение выставить ее из машины и поехать дальше одному. Но он не сделал этого. Он и не мог бы этого сделать.

Его злило, что это никчемное создание, безмятежно посапывающее рядом, выбивает из колеи, нарушает стройный, всегда последовательный ход его мыслей. За часы, проведенные с Еленой, было столько внезапных порывов, столько перемен настроения, столько противоречивых желаний, сколько он не испытывал за всю свою прошедшую жизнь.

Это ему не нравилось. Он понимал, что так не должно быть. Отличительные особенности, о которых любил распространяться Хозяин, под влиянием обычной самки человека стирались и начинали сходиться на нет.

С другой стороны, он испытывал какое-то странное болезненное наслаждение. С той самой минуты, когда он впервые увидел эту женщину в спальне у старухи, между ним и Еленой возникла какая-то связь, которой он не мог не подчиниться против своего желания.

Он доставлял Елене физические и моральные страдания, она в свою очередь утомляла и раздражала его, лишая равновесия, но вместе с тем ни один из них не захотел отказаться от другого.

Он не мог сказать, какие мотивы двигали Еленой, но относительно себя должен был со всей определенностью констатировать, что эта женщина задевает какие-то потаенные струнки в его душе. Это было мучительное, но одновременно сладостное ощущение.

„И все-таки я должен ее убить“, – подумал он.

Трудно было даже представить себе, что его ожидает в случае, если Хозяин узнает, что он оставил в живых женщину. Лгать будет бесполезно. Хозяин все равно выяснит, как все было на самом деле – это ему ничего не будет стоить.

Однако в глубине души он прекрасно знал, что оставит Елену живой. Он знал это чуть не с самого начала. Легче всего было убить ее еще в море, она была в таком состоянии, что даже не

поняла бы толком, что с ней происходит. Страх, который Елена пережила из-за изнасилования, был не намного слабее страха смерти.

Так почему он не сделал этого?

Разгадка пришла так неожиданно, что он содрогнулся всем телом. Его словно озарило. Внезапно со всей очевидностью ему открылась страшная и прекрасная истина, напугавшая и обрадовавшая его.

Он не сделал этого просто-напросто потому, что несмотря на все старания Хозяина, в нем живут человеческие чувства, человеческие эмоции. Оказалось, что в нем, суперсовершенном существе, живет способность испытывать нравственные мучения, терзаться точно так же, как терзались сотни романтических персонажей из сотен прочитанных им книг.

Он вдруг расхохотался. Хохотал так долго, что на глазах выступили слезы – это тоже было впервые. Елена проснулась и недоуменно воззрилась на Германа.

– Ты чего? – хриловатым со сна голосом спросила она.

Не отвечая, Герман, поддавшись вдруг странному порыву, нежно обхватил Елену, зарылся лицом в ее пахнущие морем влажные волосы. Сначала она напряглась, ожидая очередного грубого натиска, но, почувствовав, что на сей раз Герман настроен на иной лад, расслабилась, правда, не спешила отвечать на его ласку.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– По-моему, нормально, – ответила Елена, – но не знаю, что будет, когда я захочу встать и пройтись. У меня на всем теле не было ни одного живого места. Я думала, что ты из меня весь дух встрясеешь. А ведь я тебе так верила...

В ее голосе слышался искренний упрек.

– Послушай... – произнес Герман, сам удивляясь несвойственному ему мягкому тембру своего голоса, – я знаю, что повел себя не так, как надо. Но это не потому, что я какой-нибудь маньяк или садист. Просто, у меня... – он немного помолчал, подбирая нужное слово, Елена слушала, затаив дыхание. – У меня давно не было женщины, – произнес он и поморщился – фальшь была слишком явственной. – Я лгу, – решительно добавил он, – у меня никогда не было женщины. Ты была первой. Я потерял голову. Вот так все и произошло.

Он умолк и, отвернувшись от Елены, уставился в окно. Горизонт начинал становиться светлее. Приближался новый день. Хозяин будет ждать его вечером предстоящего дня. Это означает, что он должен отправляться в путь уже в ближайшие два-три часа.

Вдруг он почувствовал нежное прикосновение к своим волосам. Елена тихонько перебирала его густые пряди. Эта доселе неведомая ему ласка оказалась невыносимой. Герман перехватил руку женщины и сжал в своей ладони.

– Ты простила меня?

– А разве ты не видишь?

Голос Елены был глубоким и таким проникновенным, который бывает только у по-настоящему влюбленной женщины.

– Я, наверное, круглая дура, – с грустной усмешкой сказала она, – если бы я была нормальной, то ни за что не стала бы сидеть тут с тобой после того, что ты со мной совершил. Но я тебя простила. Знаешь почему?

Герман пожал плечами.

– Потому что это был не ты.

Поймав недоуменный взгляд Германа, Елена пояснила.

– Это не ты меня насиловал. Это зверь, который в тебе сидит.

Он почувствовал, что его прошибает холодный пот.

– О чем ты?

Елена округлила свои и без того большие глаза.

– Ты одержим. Тебе нужно сходить в церковь и причаститься.

Герман облегченно перевел дух.

– Чушь какая-то, – пробормотал он.

Елена с жаром начала доказывать свое утверждение.

– Послушай, – перебил он ее, – давай поговорим об этом как-нибудь после. У меня осталось не так много времени и я хочу провести его с толком. Во-первых, я изрядно проголодался. У тебя, помнится, есть какая-то снедь. Как ты смотришь на то, чтобы поесть?

Елена проворно достала пакет, вынула из него купленные продукты. Освещение в салоне „Нивы“ не работало, поэтому им пришлось есть в темноте.

– Я купила вина, – сказала Елена, – выпьем?

– Ты пей, а я не буду. Мне еще нужно кое-что сделать.

– Хорошо, – сразу согласилась женщина, – тем более, ты ведь за рулем теперь.

– За рулем будешь ты, я уже тебе говорил об этом.

– Тогда и я не буду пить, если только совсем чуть-чуть.

Она сделала два глотка и заткнула бутылку пробкой.

– Какой дряни ты набрала, – сказал Герман, отведав докторской колбасы.

Ему не понравилось ничего из того, что купила Елена. Привыкший к натуральной пище и особым концентратам, он тот час же распознавал вкус приправ и консервантов и они ему совершенно не пришлись по душе.

– Что будет потом? – робко спросила женщина, когда они закончили трапезу.

Задумавшись, Герман пропустил вопрос мимо ушей.

– Я спрашиваю, что будет потом? – громче произнесла Елена.

Он перевел на нее взгляд.

– Потом мы с тобой расстанемся.

В лице женщины отразился испуг.

– Ты бросишь меня? – жалобно спросила она.

– Я сделаю так, как обещал. Ты получишь деньги, машину и отправишься к себе.

– А ты?

– Какое тебе до меня дело? Мы встретились, провели вместе время. Надо заметить, это было не слишком приятно для тебя. Теперь пришло время каждому из нас пойти своей дорогой.

– Пошел ты к черту! – истерично крикнула Елена. – Я тебя ненавижу!

Она выскочила из машины и пошла к берегу. Он с удивлением проводил ее взглядом.

Хозяин, как и всегда, оказался прав, когда говорил, что женщины – существа, не поддающиеся никакому логическому анализу. Однако, как это ни было странно, его это не раздражало.

Неужели он успел привязаться к этой пустой, нагловатой, испытывающей перманентный сексуальный голод бабенке? И снова, уже в который раз, его охватила буря противоречивых чувств. Это становилось невыносимым. Трудно было осознать, что все, представлявшееся прежде таким простым и ясным, на деле оказалось запутанным, сложным и почти не поддающимся контролю.

Хватит с него этих романтических терзаний. Он просто смешон, если позволяет обстоятельствам выводить себя из равновесия.

И каким обстоятельствам? Он посмотрел на Елену, застывшую у самой воды. Женщину обдавало холодными брызгами, но она будто не ощущала этого.

Занимался серый рассвет. Елена ежилась от пронизывающей сырости, но упорно не желала возвращаться в машину. Ему вдруг стало жаль ее, как бывает жалко побитую собаку, жмущуюся от страха и холода.

Он представил себе, как посмеется Хозяин, когда услышит трогательную историю прощания у моря. Он уже слышал этот саркастический смех и обидные, бьющие наотмашь слова.

Кровь ударила в голову. Этого нельзя допустить! Он должен доказать Хозяину, что чего-то стоит!

Стремительно поднявшись, он выскочил из машины, громко хлопнув дверью. Елена, услышав звук, обернулась. В ее глазах стояло обреченное ожидание.

* * *

ГЛАВА 4

Держинец совершил ошибку, которые романисты обычно называют роковой. Самое смешное, что он сам превосходно осознавал, к каким последствиям может привести, и, скорее всего, неминуемо приведет этот шаг. Но, не взирая ни на что, Держинец сделал это. Причина была простой: он попросту не мог поступить иначе.

Он прекрасно знал, что его поступок не останется незамеченным кое-кем, но в то же время не сделать этого он не мог.

В аэропорту, когда Президент и сопровождающие его лица садились в самолет, Держинец отстал от делегации. Ни одна душа не знала, был ли Президент в курсе неожиданной отлучки полковника Безопасности. Да и вряд ли много людей заметило, что Держинца нет в самолете.

Самолет Президента взмыл в безоблачное голубое небо, а полковник ГосБеза уселся в поджидавшую его „Волгу“ и направился в сторону морского побережья. Он держал курс на дельфинарий. Директор, бывший, по всей видимости в курсе повторного визита Держинца, ждал полковника.

– Как все прошло? – с волнением спросил он.

– Очень хорошо, – ответил Держинец, – у вас, действительно, отлично налажена работа. Директор выглядел польщенным.

– Ну, при таком стимуле... – неопределенно ответил он.

Держинец не стал интересоваться, что имеет в виду директор дельфинария.

– Мне не понравилось, что вы так настойчиво приглашали Президента совершить прогулку на катере, – вдруг обронил Держинец по дороге вдоль канала.

– Но это было предусмотрено программой визита, – оправдывался встревоженный директор.

– Программой много чего бывает предусмотрено, но из этого не следует, что все должно быть выполнено.

Директор дельфинария молчал.

– Если бы Президенту взбрело в голову проехать на катере, то он мог обратить внимание на вышки. Стал бы задавать лишние вопросы.

– Но такой центр, как наш, непременно должен хорошо охраняться, в этом нет ничего подозрительного.

– Так-то так, но всегда могут найтись особенно дотошные люди, которым такое объяснение не покажется правдоподобным, даже если оно соответствует реальности, – возразил Держинец.

Вообще-то, у него не было особых причин быть недовольным своим ставленником в дельфинарии. Этого человека Держинец пристроил в Центр изучения китообразных еще в конце восьмидесятых, после того, как секретная лаборатория заработала полным ходом. Ему необходим был свой человек в дельфинарии. Василий Адамович Ровенский, чистокровный еврей, жаждавший переехать в Израиль, благодаря Держинцу сумел избежать многолетнего тюремного заключения. И теперь был в неоплатном долгу перед своим спасителем и благодетелем. От воли полковника Безопасности зависел не только он сам, но и его многочисленное семейство. Он полностью находился в руках Держинца и оба они прекрасно об этом знали. Ровенский по сию пору вполне удовлетворительно справлялся со своими обязанностями, будучи не только хорошим исполнителем, но и отличным организатором. Редко эти взаимоисключающие качества сочетаются в одном человеке. Держинцу никогда нельзя было отказать в умении находить подходящих людей. Директор дельфинария не был исключением.

– Как Берианидзе? – спросил полковник.

– А, – отмахнулся Ровенский, – восторженный чудака. Пользы от него не много, но зато он помогает поддержать авторитет нашего заведения. Как-никак, ученый с мировым именем.

Держинец кивнул.

– Катер готов? – спросил он, когда они подошли к берегу.

– Конечно, все в порядке, – ответил Ровенский, – через минуту он будет здесь.

– Вот еще что, – сказал Держинец, – усильте, пожалуйста, охрану. Я предполагаю, что кое-кто может проявить слишком назойливое внимание к этому объекту.

Ровенский понимающе опустил голову.

– В связи с этими idiotскими слухами о дельфинах в районе гибели лодки? – полуутвердительно-полувопросительно произнес он.

– А вы считаете, что они не имеют под собой никакого серьезного основания? – в свою очередь спросил Держинец.

Директор растерялся, не зная, что ответить на этот странный вопрос. Он-то до последнего момента пребывал в уверенности, что эта идея – очередной плод большого воображения представителей средств массовой информации. Во всяком случае, Ровенский точно знал, что дельфины из подведомственного ему учреждения никоим образом не причастны к катастрофе. Если только...

Держинец, похоже понял, о чем думает Ровенский. Он не стал ни опровергать, ни, тем более, подтверждать этих подозрений, сказав только, что охрану необходимо усилить.

– Хорошо-хорошо, – отвечал Ровенский, – все будет исполнено в лучшем виде.

– Только, пожалуйста, сделайте это так, чтобы никто из работающих здесь не заметил изменения распорядка. Все должно быть выполнено очень и очень аккуратно. Вы не должны допустить, чтобы те, кто, возможно, наблюдает за дельфинарием, обнаружили какие-то нововведения. Вам ясно?

– Конечно-конечно, – директор энергично закивал головой, – все будет исполнено.

Тем временем к берегу причалил маленький катер.

– Все это очень серьезно, – сказал напоследок Держинец и, не прощаясь с директором, вошел на борт суденышка.

Катер вскоре доставил полковника к самой дальней вышке, расположенной на границе бухты. Отсюда можно было видеть бетонную стену, огораживающую водоем от моря. Держинец помнил, как нелегко было добиться возведения такого большого дорогостоящего сооружения. Но они сделали и это. В те годы финансирование подобных объектов осуществлялось гораздо интенсивнее, чем в нынешние, смутные, времена. Они проделали адскую работу, но Держинец не сомневался, что их труды того стоили. Подкреплению его уверенности послужил не один весомый повод. А самой главной причиной стали последние события, взбудоражившие всю страну.

Сойдя с катера, Держинец по узкой винтовой лестнице поднялся на вышку. Там его встретил охранник. Только с такого близкого расстояния можно было заметить, что охранник вооружен до зубов. Помимо автомата и двух пистолетов, вышка была оснащена зенитной установкой. Именно по этой причине Держинец очень не хотел, чтобы Президент приближался к вышке. Кто знает, как могли бы развиваться события в таком случае. Хорош был бы директор дельфинария Ровенский, если бы кто-то из сопровождающих Президента, или он сам обратили бы внимание на такое вооружение. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы не заподозрить неладное.

Все охранники – их было восемнадцать человек на весь исследовательский центр – знали полковника в лицо. Он сам тщательно выбирал каждую кандидатуру и теперь мог быть вполне спокоен. Тем паче, что за каждым из восемнадцати стражей был установлен строжайший надзор.

– Как идет служба? – поинтересовался Держинец у вытянувшегося в струнку охранника.

– Все нормально, – отрапортовал тот, не обращаясь к Дзержинцу по званию.

Полковник кивнул и прошел к еще одной винтовой лестнице, ведущей внутрь вышки. Спустившись по ней вниз, Дзержинец оказался перед металлической дверью с кодовым замком. Разумеется, код был известен только ему и никому больше. Когда-то доступом на секретный объект обладало трое человек, но Дзержинец позаботился о том, чтобы в настоящий момент он был единственным человеком, который может войти на Базу в любое время. С одной стороны, это позволяло ему обеспечить полный контроль над Базой, но с другой, – несколько осложняло жизнь, так как ему приходилось регулярно отрываться от остальных дел, чтобы нанести сюда визит.

Первая металлическая дверь была не единственной. Дзержинец открыл еще две, прежде чем оказался в узком коридоре, круто спускающимся вниз. Это был даже не коридор, а тоннель, который слабо освещали маленькие электрические лампочки. Через каждые двадцать метров Дзержинец достигал очередной двери, открывал ее и шел дальше, спускаясь все ниже и ниже. Таким образом приходилось проходить через шесть дверей. Проход по этому коридору всегда казался Дзержинцу нудным и утомительным, к тому же он занимал довольно много времени, а между тем полковнику всегда было нелегко выкроить свободную минутку.

„Надо что-то с этим делать“, – в который раз сказал он себе.

Наконец Дзержинец дошел до конца тоннеля. Отпер последнюю дверь. Эта была самая большая и толстая дверь во всем коридоре. Она была покрашена в красный цвет. Никто, кроме Дзержинца не знал, что в нее встроена пластиковая взрывчатка, которая должна сработать в момент, когда дверь попытаются открыть люди, не владеющие кодом. Взрывом снесет всю переднюю часть Базы, а дальше начнут срабатывать взрывные устройства в других отделах. Буквально через полторы минуты от объекта не останется ничего. Дзержинец понимал, что эта мера предосторожности сопряжена с известным риском, но только так он мог быть гарантирован от того, что Базу рассекретят.

Он знал, что пока открывает последнюю дверь, в центральном отделе Базы уже знают о его приходе и готовятся к встрече. Так оно и было.

– Добрый день, полковник, – услышал он.

В просторном помещении с несколькими дверями, ведущими в разные отделы Базы, стоял человек среднего роста, нормальной комплекции, одетый в синий костюм, в коричневом галстуке. Темно-русые волосы зачесаны назад, открывая небольшие залысины на лбу. Глаза водянисто-голубые, смотрят насторожено и, кажется, немного неприязненно.

– Здравствуйте, Антон Николаевич, – полковник пожал протянутую руку.

– Милости просим, я давненько вас ожидаю.

– А разве была такая договоренность?

– Послушайте, полковник, – мужчина засмеялся неприятным блеющим смехом, – я все-таки слежу за развитием событий в мире. Я прекрасно знаю, что здесь некоторое время назад побывал президент страны. Кстати, этим вечером работники местного телевидения обещают показать репортаж, снятый в дельфинарии. С удовольствием посмотрю его. Может быть, наконец я смогу получить представление о том месте, которое находится надо мной...

– Вы чем-то недовольны? – спросил полковник, перебив говорившего на полуслове.

– Я? – Антон Николаевич растерялся и не сразу нашелся, что ответить. – Вы не так меня поняли, полковник, – все с тем же неловким смехом сказал он. – Я, как всякий человек науки, немного любознателен, только и всего.

– Я предлагал вам превосходную поездку на север страны, – продолжал давить Дзержинец, – вы сами отказались, заявив, что не имеет никакого желания покидать лабораторию. Я прав?

– Разумеется, вы правы! – Антон Николаевич больше не смеялся, он смотрел на визитера со страхом и долей раболепия.

Полковник остался доволен результатами сделанной выволочки. Он знал, что этот человек, как никто другой, нуждается в периодическом „промывании мозгов“. При чрезмерно лояльном к нему отношении, Антон Николаевич неизменно начинал вести себя недостаточно корректно, позволяя себе саркастические выпады. Дзержинец взял за правило пресекать подобные выходки еще до того, как они совершались.

Характер Степанова представлял собой гремучую смесь из многочисленных комплексов неполноценности, сочетающихся с непомерно большими амбициями. Столь опасное сочетание требовало строжайшего контроля. Допусти полковник слабинку хотя бы один раз, и Антон Николаевич начал бы предъявлять всевозможные требования и мог бы и вовсе выйти из повиновения.

Они прошли в кабинет Степанова, оснащенный компьютерами и техникой последней модели.

– По-моему, вы выглядите гораздо лучше, по сравнению с тем, каким я вас запомнил по нашей последней встрече. Надеюсь, и настрой у вас соответствующий.

Вместо ответа Антон Николаевич только улыбнулся и пожал плечами.

– Что у вас новенького? – поинтересовался Дзержинец уже другим, благожелательным тоном.

– Новенького? – переспросил Степанов, как всегда, оттягивая время, чтобы обдумать ответ.

– Как идет работа над пятой серией?

– Полным ходом, полковник, полным ходом, – поспешно ответил Антон Николаевич, пожалуй, даже слишком поспешно.

– Когда планируете начать адвентацию?

Степанов ответил не сразу. Он был очень взволнован, это не укрылось от взгляда полковника.

– Мне еще необходимо провести серию различных операций, – уклончиво ответил он.

– Но вы можете назвать хотя бы приблизительные сроки? – настаивал Дзержинец.

Антон Николаевич начал раздражаться, что также насторожило посетителя.

– Мне трудно говорить с вами об этом, вы ведь не имеете представления о всех тех биологических процессах, которые происходят в моей лаборатории. Но поймите хотя бы то, что я действую вслепую и сам не могу предсказать результаты своих работ. Все, что я могу – это наблюдать, фиксировать и делать выводы. Последняя серия качественно отличается от всех предыдущих и что она будет собой представлять, для меня самого остается пока загадкой. Можете мне не верить, но в этом заключается специфика моей работы...

– Я все это знаю, – снова перебил Степанова полковник, – вы говорили мне в точности то же самое и в период работы над предыдущими сериями.

– Тогда тем более, не стоит давить на меня и требовать ответов на вопросы, которые мне самому еще неизвестны.

– Что-то вы слишком горячитесь, – заметил Дзержинец, усаживаясь на кожаный диван.

Степанов опомнился и мгновенно преобразился, вновь превратившись в подобострастного хозяина, принимающего почетного гостя.

– Я – ученый, – произнес он извиняющимся тоном, – и когда дело касается моей работы, теряю все представления о приличиях, – снова раздалось блеяние, от которого Дзержинец слегка поморщился. – Простите меня, полковник, я забыл о долге гостеприимства. Не желаете ли кофе или, может быть, чаю?

– С удовольствием выпью кофе, – ответил Дзержинец.

– Как всегда?

Гость утвердительно кивнул головой и откинулся на спинку дивана. Он чувствовал небольшую усталость – день сегодня выдался чересчур богатый событиями.

Степанов заспешил к выходу.

– А где же ваш ассистент? – спросил Дзержинец вдогонку.

– Михаил Анатольевич? – по своему обыкновению переспросил Степанов.

– А что у вас есть и другие ассистенты? – Дзержинец нахмурился, что не предвещало ничего доброго.

Антон Николаевич опять затрясся от смеха.

– Увы, полковник! – ответил он, избегая взгляда Дзержинца. – Михаил Анатольевич у меня один, хотя порой я мечтаю о том, чтобы у меня в подчинении было побольше умных, знающих, исполнительных людей.

– В вашей власти ковать себе собственные кадры. Как раз такие, о каких вы мечтаете, – ответил Дзержинец.

– О, если бы все было так легко! – усмехнулся Антон Николаевич и исчез в дверях.

Дзержинцу совсем не понравилось поведение Степанова. Он и сам не мог бы сказать, что конкретно его настораживает. На первый взгляд ученый вел себя как обычно. Он всегда был нервным, трусоватым и каким-то скользким. Дзержинцу нередко приходилось использовать весь свой дар убеждения и силу характера, чтобы заставить этого человека вести себя так, как это нужно для дела.

Дзержинец имел обыкновение говорить негромким голосом, как-то вкрадчиво. Никто никогда не слышал, чтобы полковник кричал или даже повышал голос. Напротив, в особых случаях, если он был разгневан или раздражен, его голос становился еще тише, но приобретал зловещные нотки. Это действовало безотказно. Собеседник неизменно бывал повергнут в тревогу.

Через несколько минут Степанов возвратился с кофе.

– Так где же все-таки ваш ассистент? – спросил полковник, сделав маленький глоток крепкого черного кофе. Полковник не курил и никогда не употреблял алкогольных напитков. Единственной вредной привычкой, которой он не мог сопротивляться, было пристрастие к очень крепкому черному кофе без сахара. Но и здесь Дзержинец старался ограничивать себя, употребляя не более трех-пяти чашек в сутки.

– Михаил Анатольевич сейчас как раз находится в верхнем отсеке. Я говорил вам еще во время вашего прошлого визита, что сейчас мы приступаем к работе над следующей серией.

– И как далеко вы продвинулись?

– Я полагаю, что скоро можно будет говорить о чем-то конкретном.

Степанов оживился, в его глазах загорелся настоящий энтузиазм ученого от Бога. Таким он нравился полковнику больше всего.

– Попробую рискнуть и поинтересоваться вашими прогнозами относительно этой серии, – произнес Дзержинец, попивая горячий кофе.

– О! – вдохновенно воскликнул Степанов. – Это будет нечто совершенно потрясающее! Если все получится так, как я рассчитываю, то скоро в вашем распоряжении будет находиться такая рота, с которой не совладает целая армия.

– Очень многообещающе, – поощрительно произнес Дзержинец, – хотелось бы, чтобы вы не ошибались в прогнозах.

– Мне бы тоже этого очень хотелось.

– Я думаю, вам понятно мое желание уточнить, на сколько процентов вы уверены в успехе?

– Это очень сложный вопрос, дорогой полковник, – в волнении Степанов и сам не заметил, что допустил неуместную с Дзержинцем фамильярность, но тот, однако, предпочел не заострять на этом внимания. Степанов тем временем с увлечением продолжал: – Видите ли, до последнего времени я разрабатывал проблему точечного характера наследования различных моногенных особенностей...

– Антон Николаевич, вы опять увлекаетесь, – сказал полковник.

Снова раздался блеющий смех.

– Прощу прощения! Я говорил об отклонениях, вызванных мутацией одного гена и не зависящих от внешних условий развития особей. Я пробовал выяснить, доминантна либо рецессивна эта определенная особенность, обусловлена ли она мутацией гена, локализованного в половой хромосоме или в аутосоме...

– Послушайте, Антон Николаевич...

– Простите! – поспешно заговорил Степанов.

Он умолк, собираясь с мыслями. Весь его вид говорил о том, с каким трудом он приравнивается к невежеству собеседника, пытаясь отыскать понятные полковнику определения.

– Короче говоря, я убедился, что умственные особенности человека не моногенны, а полигенны, то есть, они обязаны определенному взаимодействию нескольких генов. Возникновение же этих генов в фенотипе зависит от внешних условий.

Полковник терпеливо молчал, добросовестно пытаясь вникнуть в суть услышанного.

– Таким образом, передо мной встала двойная задача, – говорил Степанов, – мне не только нужно было выявить необходимую комбинацию генов, но и создать внешние условия, при которых такая комбинация привела бы к наиболее оптимальному результату.

Дзержинец отставил свою чашку. Никто из сидящих в кабинете не заметил, что за дверью, ведущую в первую лабораторию, притаился человек. Прикрыв ухом к щели между дверью и косяком, человек, затаив дыхание, прислушивался к разговору. Чем дольше он слушал, тем большее изумление отражалось на его лице.

– Самое сложное заключалось в том, чтобы отыскать подходящий материал. Кстати, здесь нужно отдать должное нашему Михаилу Анатольевичу – он проделал гигантскую работу. Именно ему мы можем быть обязаны нашим богатейшим генофондом популяции, в котором присутствует множество мутантных аллелей одного гена.

– Замечательно, – одобрил Дзержинец, – теперь объясните, как это скажется на вашей последней разработке.

– К этому я и веду, – ответил Степанов, – думаю, не ошибусь, если скажу, что мне удалось добиться самых потрясающих результатов.

Ученый выдержал театральную паузу. Зная за Степановым этот грешок – любовь к эффектным репликам, – полковник с безучастным выражением лица терпеливо ждал продолжения.

– Что бы вы сказали, если бы узнали, что в недалеком будущем в нашем распоряжении будут существа, обладающие сверхъестественными способностями?

Дзержинец не мог удержаться от того, чтобы слегка вздрогнуть. Почти незаметно, но тем не менее Степанов почувствовал, что ему удалось заинтриговать собеседника.

– То есть? – спросил Дзержинец.

– Способности, которыми обладают сотые доли процента населения земли, да и то в ничтожных масштабах. А у нас с вами будут существа, аккумулирующие в себе все наиболее выдающиеся таланты сверхъестественного толка.

– Вы можете объяснить нормальными словами, какими именно способностями они будут обладать, или мне придется вытягивать это из вас клещами?

Степанову, похоже, удалось выбить полковника из равновесия. Он взял небольшой реванш и был весьма рад этому.

– Сверхчувственное восприятие: телепатия, телекинез, левитация, пирокинез, гипноз, интуиция на грани ясновидения, – на одном дыхании выпалил Антон Николаевич.

Некоторое время Дзержинец молчал, пытаясь уместить в сознании услышанное. Степанов наслаждался произведенным эффектом.

– Насколько это реально? – наконец спросил полковник.

– Процентом на восемьдесят. Я был мог дать и больше процентов, но еще не выяснил, насколько наличие данных способностей может повлиять на другие, без которых невозможно полноценное существование в наших условиях.

– То есть, они будут какими-нибудь ущербными?

Степанов усмехнулся.

– Это слишком сильно сказано. У них будут наличествовать те же органы, что и у их собратьев. Если они и будут иметь отличия на физическом уровне, но только в лучшую сторону. Другое дело, что я еще не знаю, как эти способности будут взаимодействовать с их психикой и какое влияние они возымеют над их психологией. На изучение этой проблемы потребуются определенный срок и, скорее всего, немалый. Как я уже говорил, я выхожу на качественно новый уровень моих экспериментов. В случае, если я добьюсь успеха, можно будет подумать о том, чтобы перейти к еще более высокому витку.

Глаза Степанова горели фанатическим огнем. Даже выдавший виды полковник был заворожен этой экзальтацией.

– Куда еще? – спросил он чуть слышно, но ученый понял вопрос.

– О! Это будет такой скачок, после которого человека – земное существо с ограниченными возможностями – можно будет приравнять к божеству, создающему существ по собственному усмотрению.

– Но вы и так создаете...

– Это не то! – отмахнулся Степанов. – Когда я смогу преодолеть физический барьер и выйти на астральный уровень, на уровень трансмутации, тогда я буду считать, что я добился всего, о чем только может мечтать человек, претендующий на роль Бога.

В речи Антона Николаевича было слишком много „Я“, но Дзержинец, не обратил на это внимание, он думал о том, что Степанов сходит с ума.

– Вы это серьезно говорите? – спросил он, внимательно глядя на Антона Николаевича.

– Вы не верите! – губы Степанова искажала кривая ухмылка.

– Что ж, это абсолютно нормальная реакция. Достаточно вспомнить, как воспринимались обывателями все выдающиеся изобретения, начиная с автомобиля и самолета, и заканчивая полетами в космос и развитием робототехники.

– Благодарю, – произнес Дзержинец, при этом на его тонких губах мелькнуло подобие улыбки, – вы называли меня обывателем.

– С моей точки зрения, вы, при всех ваших выдающихся способностях – самый настоящий обыватель. Ваша психология не способна выйти за рамки давно открытых физических законов. Это происходит в силу вашей абсолютной прагматичности. Вы чрезвычайно умны и проницательны, в этом смысле вас смело можно назвать незаурядным человеком. Но в этом также и состоит ваша неспособность заглянуть за грань того, что в философии называется объективной реальностью.

Дзержинец взглянул на часы.

– У меня сейчас нет времени слушать ваши интереснейшие выкладки. Но я буду очень внимательно следить за ходом ваших разработок и с нетерпением ждать результатов.

– Я бы советовал вам, наоборот, вооружиться терпением, – со смехом возразил Степанов, – это будет еще не скоро.

– Вам потребуются дополнительные ассигнования, или другая помощь?

– Пока эта проблема не стоит, – ответил ученый с все той же кривой ухмылкой, – вы снова не пожелали принять в расчет, что я пытаюсь выйти на иной уровень, нежели физический, соответственно, и средства нужны иные.

– Возможно, мое сознание и ограничено, как вы говорите, но, насколько мне известно, телепаты и ясновидящие точно также дышат воздухом, едят такую же пищу и пьют такую же

воду, как и остальные люди. Это не бесплотные духи, а вполне обычные, во всяком случае, с виду, люди, из плоти и крови.

– Задача, которую я перед собой ставлю, заключается в том, чтобы соединить незаурядные физические качества с паранормальными способностями на астральном уровне.

– Может статься, что когда вы представите мне результаты, я смогу воспринять это как нечто, имеющее право на существование, но сейчас, извините, мое приземленное мироощущение не дает такой возможности.

– Я понимаю вас, полковник, – ответил Степанов, – просто я считал своей обязанностью поставить своего патрона в известность относительно моих планов.

– Вы правильно сделали, Антон Николаевич, – сказал Держинец, поднимаясь с дивана, – а теперь мне пора идти.

Человек, подслушивавший у двери, метнулся в сторону и неслышными шагами стал удаляться в дальние помещения.

– Кстати, – заговорил Держинец снова, когда они со Степановым шли по направлению к выходу, – как поживают ваши питомцы?

Полковник шел впереди и поэтому не видел, как изменился в лице Антон Николаевич. Однако, по секундной заминке он понял, что этот вопрос – из разряда сложных.

– В быстрейшие сроки ожидаю возвращения.

– Вы получали от них известия?

– Пока нет, – ответил Степанов, – но мы и не планировали, что будем поддерживать связь до их возвращения на Базу.

– Хорошо, – сказал Держинец, – вы знаете, что делать, когда они придут?

– Без сомнения, но тут уместнее было бы выразиться по-другому: не „когда они придут“, а „если они придут“. Лично я бы не дал гарантии, что они вернутся.

– Надеюсь, что вы ошибаетесь.

– Я и сам на это надеюсь. Вот и опять, возвращаясь к нашей беседе. Не правда ли, насколько было бы легче, если бы мы могли иметь с ними телепатическую связь?

Держинец лишь пожал плечами. Он уже подходил к красной двери, когда ему в голову пришла одна мысль.

– Вы уверены, что сможете обеспечить контроль над существами со сверхъестественными способностями? – озабочено спросил он.

– Я буду работать над этим. Вы же понимаете, что это в моих интересах.

– Что ж, – полковник протянул руку, – удачи вам. Думаю, скоро увидимся. Передавайте привет Михаилу Анатольевичу. Жаль, что я так и не повидался с ним.

– Непременно передам. Всего вам доброго, полковник.

Красная дверь закрылась. Единственная дорога во внешний мир снова осталась закрытой. Степанов минуту или две стоял перед ней и с болезненной тоской представлял себе, как Держинец удалялся прочь по длинному, уходящему вверх коридору.

В последнее время профессору, как никогда, хотелось выйти из этих опостылевших стен.

* * *

Секретчик удовлетворенно потирал руки. Его план осуществился, как нельзя лучше. Не было сомнений, что Держинец имел отношение к этому псевдодельфинарию, как он называл Исследовательский центр. Не то, чтобы у Секретчика были прямые доказательства причастности полковника Безопасности к темным делишкам, творящимся в дельфинарии, но нескольких нюансов, которые не могли ускользнуть от его пристального взгляда, оказалось более чем достаточно, чтобы подтвердить его подозрения.

Самым забавным, по мнению Секретчика, было то, что Дзержинец понимал, с какой стороны ветер дует, и ничего не мог с этим поделать. Визит Президента в дельфинарий, осуществленный посредством неусыпных забот Секретчика, оказался весьма и весьма плодотворным. Оставалось еще множество неясностей, но тем не менее он уверился, что нашел ту самую исходную печку, от которой предстоит теперь плясать не только ему, ни всем его лучшим людям. По возвращении в Москву, Секретчик прежде всего дал директиву особое внимание уделять подводным поискам районе затонувшей субмарины. В операции было задействовано два десятка водолазов, сантиметр за сантиметром обследовавших морские глубины в радиусе нескольких километров от места залегания останков АПЛ.

Помимо этого Секретчик распорядился сообщать ему обо всех интересных находках, сделанных на море, будь то Баренцево, Лаптевых или же Балтийское.

Результаты не замедлили появиться. Уже на второй день скрупулезных поисков ему на стол положили сообщение об обнаружении двух трупов на берегу Финского залива. Тела были закопаны в песок в десятке метров от моря, там же нашли резиновую лодку и рыболовное снаряжение, по всей очевидности принадлежавшее убитым мужчинам. Неподалеку, под обрывом, нашли автомобиль рыбаков. Вскоре были установлены личности убитых. Ими оказались два пенсионера. Секретчик моментально выделил это сообщение из числа восемнадцати других. Что подсказало ему? Все та же интуиция? Или же просто неестественность ситуации?

Грабители вряд ли стали бы так действовать. На одном из мужчин нашли дорогие водонепроницаемые часы, которые обязательно должны были быть „приобретены“ нападающими. Уцелела и увесистая золотая цепь с крестом, что висела на шее у другого рыбака. Все наводило на мысль, что это не было убийство с целью ограбления. Пропали только деньги и несколько предметов одежды.

Секретчику пришло на ум, что некто вышел из воды в чем мать родила, убил рыбаков, отнял у них одежду, закопал останки и был таков. Да, к тому же он еще сбросил с обрыва автомобиль, что говорило о его недюжинной силе. На то, что этот некто был в единственном экземпляре, указывало отсутствие лишь одной пары брюк, одного свитера и одной пары обуви. Хотя с другой стороны, их могло быть и много, но только одному из них понадобилась одежда. Идиотизм, конечно, но разве вокруг нас мало творится идиотизма? Секретчик не имел обыкновения отказываться от версии всего лишь потому, что она выглядит абсурдной.

Узнав от родственников убитых, какая именно одежда была похищена, его люди взяли след. Искали высокого крупного человека в сером свитере, коричневых брюках и сапогах.

Вскоре выяснилось, что мужчину с такими приметами видели у Московского вокзала, но дальше его след безнадежно терялся в бурном людском потоке, обитающем в вокзальном районе мегаполиса.

Параллельно проводилась подготовка к разведке в псевдодельфинарии. Секретчик, как никто другой понимал, что данное мероприятие будет сопряжено с немалыми трудностями: от его наметанного глаза не ускользнули те солидные охранные точки, которыми был снабжен исследовательский центр. Еще больше насторожило, что вся охрана велась, так сказать, негласно.

Секретчик многое отдал бы за то, чтобы собственными глазами взглянуть на объекты, скрытые где-то на территории дельфинария. А в том, что они имели место быть, он ни капли не сомневался.

* * *

Побережье Баренцева моря. Поселок Белогорск. Районная больница.

Этот день не задался с самого утра. Главврач поселковой больницы Василий Васильевич Матвеев мучился с жесточайшего похмелья. Не помогали ни ударные дозы активированного

угля, ни горсть янтарной кислоты, ни другие применяемые в таких случаях снадобья. Видно спирт оказался дрянным. В кои-то веки, они с Макарычем решили сэкономить казенный и попробовать подаренного одним из благодарных пациентов пойла. Но лучше бы они перелили „подарочек“ в емкости из-под казенного спирта и выпили, как обычно.

Предаваясь этим мрачным мыслям, доктор Матвеев понуро сидел за своим столом и смотрел, как за окном качается от сильного ветра сосновая ветка. Как опостылел ему вид этой вечной ветки за грязным окном!

– Василий Васильевич! – дверь в кабинет приоткрылась и вошла старшая медсестра Людочка.

По ее взволнованному виду можно было сделать заключение, что произошло нечто особенное.

„Этого еще не хватало“, – мрачно подумал Матвеев и неприязненно воззрился на Людочку.

– Там привезли труп! – сообщила старшая медсестра, блестя своими темными глазками.

– Труп? – тупо повторил Василий Васильевич, с тоской чувствуя, что вот-вот от него потребуется принятие важного решения.

– Труп! – почти радостно подтвердила Людочка. – Рыбаки нашли у самого берега сегодня рано утром.

– Что за труп?

– Почему я знаю! – Людочка повела остренькими плечиками, давая понять, что главврачу пора бы начать реагировать несколько поактивнее.

С тяжким вздохом Василий Васильевич поднялся из-за стола и вышел из своего кабинета. Людочка поскакала следом, сводя главного с ума цокотом своих каблучков по мраморному полу.

– Позвони заведующему моргом, – распорядился Василий Васильевич, чтобы избавиться от назойливого сопровождения.

– Так его же нет сейчас на месте, – напомнила Людочка, – он будет только послезавтра.

Главврач снова издал тяжкий вздох. Если уж не день задался с утра, то и продолжение будет соответствующим.

– А где его зам?

– Виктор Михалыч на месте, это он прислал за вами.

– Ну иди тогда, займись своими делами, – буркнул Василий Васильевич, – я и без тебя дорогу найду.

– Но... – обиженно воскликнула Людочка, – может быть там понадобится мое присутствие...

– Если понадобится, тебя позовут, иди отсюда.

Зная, что главный не в том расположении духа, чтобы ему можно было противоречить, Людочка отстала от него, предоставив продолжать путь в одиночестве. Когда цокот каблучков замер за спиной, Василию Васильевичу стало полегче.

Он вышел из главного корпуса, прошел через больничный двор и оказался в приземистом строении, где был расположен морг.

Свежий воздух немного приободрил главного, в голове прояснилось и только после этого он в полной мере осознал всю важность происшедшего. В свете событий последних дней труп, обнаруженный невдалеке от места трагедии, мог стать самой настоящей сенсацией.

– Ну что тут у вас? – по-деловому спросил Василий Васильевич, стремительно входя в зал, уставленный свободными столами.

Его встретил заместитель заведующего моргом.

– У нас тут такая находка, – заговорил он возбужденно, – сколько лет работаю, но такого еще не видел.

– Ну, где ваш труп? – хмурясь, поинтересовался Василий Васильевич.

Замзава указал куда-то в дальний конец зала, главврач обратил внимание, что сам патологоанатом не проявляет желания подойти к дальнему столу, на котором лежит „находка“.

Зрелище и впрямь оказалось умопомрачительным. Полуразложившееся месиво, больше чем наполовину обглоданное рыбами, источало такую вонь, что уже за несколько метров Василия Васильевича начались позывы к рвоте.

Он не стал подходить ближе, опасаясь, что его и без того пострадавший организм не выдержит такой нагрузки.

– Вы уже произвели осмотр? – спросил он у замзава.

– Да, первичный осмотр я произвел, – ответил тот, закуривая сигарету без фильтра.

Василий Васильевич с наслаждением втянул дым в ноздри. Сам он не курил, но хорошо понимал, почему патологоанатомы не спешат расставаться с этой привычкой.

– Ну и каковы ваши выводы?

– Трудно сказать, Василий Васильевич, – для определенных выводов нужна экспертиза. Придется ждать возвращения заведующего.

– А без него никак?

– Я не могу брать на себя такую ответственность, – поспешно отговорился патологоанатом, – к тому же в моем распоряжении нет целого ряда специальных препаратов, за ними необходимо кого-нибудь послать в областной центр...

– Понял, – прервал его Василий Васильевич, – не хотите, так и скажите, а ваши оправдания мне слушать не за чем. Я только одно хочу выяснить, – главврач понизил голос и приблизился к собеседнику почти вплотную, хотя в зале кроме них двоих никого не было, – я хочу знать, может ли эта... – он помялся, в поисках подходящего определения, – эта... хм, находка, иметь какое-то отношение...

Василий Васильевич сделал многозначительную паузу. Патологоанатом с первой секунды понял, к чему клонит главный. Это отнюдь не являлось показателем остроты его умственных способностей, просто сейчас буквально все события, как выдающиеся, так и мелкие, вольно или невольно связывали с гибелью подлодки „Антей“.

Он задумался. Докурил сигарету, бросил ее на пол, растер окурок. Василий Васильевич, проявляя истинно христианское долготерпение, молча наблюдал за всеми этими манипуляциями.

И только тогда, когда его рыжеватые брови стали сходить у переносицы, патологоанатом решился прервать молчание и заговорил:

– Я не могу сказать этого с полной ответственностью, – осторожно заговорил он, – но у меня сложилось впечатление, что этот труп не мог быть связан с затонувшей субмариной... – увидев, как при этих словах лицо главного мало-помалу проясняется, он продолжал уже с большей уверенностью, – да, мне думается, что погибший не имел отношения к тому, что произошло одиннадцать дней назад.

Василий Васильевич поощряюще кивнул и замер в ожидании продолжения. Не сводивший с него глаз патологоанатом заговорил снова:

– У меня есть ряд оснований для такого умозаключения.

– Слушаю вас, – Василий Васильевич весь излучал тепло и симпатию.

– Прежде всего – одежда.

– То есть?

– Дело в том, что на погибшем не стало ни клочка одежды.

Обычно в таких случаях остается хотя бы миллиметровые кусочки ткани. Как-никак моряки, – патологоанатом невольно понизил голос, – были одеты в форму. За эти дни она не успела бы сгнить, осталось бы по крайней мере хоть что-то.

Нельзя сказать, что Василий Васильевич пришел в восторг от этого довода, который, несмотря на всю свою привлекательность, явно был притянут за уши. Он с надеждой смотрел на замзава, ожидая большего от следующих аргументов.

– С другой стороны, если бы данный труп действительно имел отношение к лодке, то он не сохранился бы в таком хорошем состоянии. Согласитесь, прошло одиннадцать дней. За эти дни тело должно было проделать довольно внушительный путь – почти в двести километров. А в море, как вы знаете, водятся всевозможные хищники, которые не оставили бы без внимания такую добычу.

– Но ведь труп изрядно подпорчен, – возразил Василий Васильевич, правда очень нерешительно.

– В том-то и дело, – патологоанатом все более воодушевлялся, – он только подпорчен, а по идее от него должен был остаться один скелет!

– Вы уверены?

– Да, Василий Васильевич, я уверен, – твердо произнес замзава моргом, закуривая очередную сигарету.

– Послушайте, – оживился Матвеев, – кто кроме вас и старшей медсестры еще в курсе на счет трупа?

Патологоанатом призадумался и начал загибать пальцы.

– Ну, во-первых, рыбаки, во-вторых, милиционеры, которые составляли акт, а из наших – я, старшая медсестра, которая неизвестно как оказалась здесь в момент доставки и вы, наверное, это все.

– Немало, – озабочено произнес Василий Васильевич.

– Вот-вот должны позвонить из отдела милиции, они ждут нашего заключения.

– Подождут, – неприязненно процедил Василий Васильевич, – эти дела так быстро не делаются. Если позвонят, вы им так и скажите. Хотя нет, – главврачу пришла в голову одна мысль, – я сам позвоню начальнику отдела и поговорю с ним. А теперь нам с вами нужно подумать о том, какое заключение мы выпишем.

Они направились в кабинет заведующего моргом.

– Как вы себя чувствуете, Василий Васильевич, – поинтересовался патологоанатом.

– Хреново, Виктор Михалыч. С утра голова раскалывается и подташнивает. А тут еще эти новости. И почему это должно было случиться именно у нас!

Василий Васильевич обхватил свою страдающую голову руками и сел за стол на место заведующего. Патологоанатом изучающе посмотрел на него и вкрадчиво произнес:

– Василий Васильевич, у меня есть одно великолепное средство для улучшения вашего самочувствия.

– Я уже все попробовал, – убитым тоном ответил главврач, – не помогает.

– Уверен, что этого вы еще не пробовали.

С этими словами замзава вынул из недр несгораемого шкафа бутылку прямоугольной формы.

– Что это у вас? – с интересом спросил Василий Васильевич.

– Подарок одного знакомого моряка Тихоокеанской флотилии. Виски „Johnnie Walker Red Label“. Я даю голову на отсечение, что глотнув из этой бутылки, вы почувствуете себя заново рожденным.

Василий Васильевич не стал заставлять себя долго упрашивать. Виктор Михалыч плеснул на одну четверть граненого стакана жидкость восхитительного темно-янтарного цвета, достал из холодильника лимон, нарезанный кружками и поставил все это перед главным.

– А вы? – спросил Василий Васильевич.

– Как-то не решаюсь... – промямлил патологоанатом.

– Да бросьте вы в самом деле, – махнул рукой главврач.

Без дальнейших разговоров Виктор Михалыч налил и себе.

Они выпили. Василию Васильевичу и впрямь полегчало. Тут же возникло желание повторить. Замзава моргом был человеком понимающим и тут же плеснул еще, на сей раз увеличив дозу. Таким манером спустя чуть больше получаса они опустошили всю бутылку. Теперь обнаружение нежелательной „находки“ уже не виделось им в столь мрачном свете.

– Вот что, Михалыч, – говорил Василий Васильевич заплетающимся языком, – нам с тобой лишние проблемы ни к чему, верно?

Виктор Михалыч утвердительно закивал.

– Понаедут сюда всякие комиссии. Представляешь, сколько будет хлопот, если к нам заявится какая-нибудь столичная делегация?

– Точно, Василий Васильевич, хлопот не оберемся.

– Начнут, чего доброго больницу нашу шерстить. А нас ведь тут не все ладно.

– Еще бы, Василий Васильевич, с таким-то финансированием... – многозначительно заметил Виктор Михалыч.

– Вот-вот, – главврач похлопал патологоанатома по плечу, – умный ты мужик, Михалыч, все понимаешь.

– Я вот что думаю, – заговорил окрыленный замзава.

– Что? – с любопытством поинтересовался Матвеев.

– Нам бы надо все это дело обделать до возвращения Сыромятникова.

Замзава имел ввиду своего непосредственного начальника, заведующего больничным моргом.

– А то ведь он, сами знаете, какой. Шум поднимет, доискиваться начнет...

– Это ты правильно заметил, Михалыч, – Василий Васильевич икнул, – светлая у тебя голова.

– Стараюсь, – отвечивал польщенный патологоанатом.

– Как же нам поступить? Придумай, ты ведь мужик догадливый.

– Есть у меня одна задумка...

К вечеру этого же дня в местное отделение милиции пришло заключение из морга, гласившее что обнаруженный на берегу труп идентифицирован. Это не кто иной, как пропавший две недели тому назад беспробудный пьяница Вячеслав Егорихин, 1953-го года рождения, уроженец Красноярска, не имеющий никаких родственников. В документах значилось, что труп опознан близкой знакомой Егорихина (это стоило главврачу всего-навсего одного литра медицинского спирта до опознания и двух литров той же живительной жидкости после него). Ввиду плачевного состояния тела, эксперты рекомендовали незамедлительно произвести захоронение.

Начальник Белогорского отделения милиции, которому точно так же, как и главврачу местной больницы не хотелось никакой шумихи в своем районе, на удивление быстро и охотно согласился с выводами патологоанатома и подсуетился, чтобы местный отдел регистрации актов гражданского состояния не медлил с выдачей свидетельства о смерти.

На следующее утро найденный труп был за казенный счет похоронен на Белогорском кладбище. Ни один человек из населения поселка, насчитывающего около восьми тысяч, не проявил ни малейшего удивления. Славка Егорихин за последние несколько лет ни разу не представавший перед соседями в состоянии, мало-мальски отличном от непотребного, вполне мог оказаться утопленником. К тому же и сроки совпадали.

Спустя еще пару-тройку дней и сам главврач поселковой больницы Василий Васильевич Матвеев полностью поверил в изобретенную совместно с замзава морга версию.

* * *

База, на которой профессор Степанов работал без малого двадцать лет, и где было произведено несколько тысяч различных экспериментов в области генетики и клонирования, была построена в рекордно короткие сроки. Она представляла собой довольно большое двухъярусное строение, возведенное из прочного водостойкого материала. Здание было построено таким образом, что первый, нижний, ярус располагался в котловане, вырытом в морском дне, второй же возвышался над дном. Все основные отделения Базы: главная лаборатория, где проводились текущие работы с галобионтами, жилые помещения, кабинеты Степанова и Тихомирова находились в нижнем ярусе, который сообщался с тоннелем, шедшим от одной из охранных вышек. В верхнем ярусе были сосредоточены вспомогательные помещения, склады, а также „общезитие“ галобионтов второй и третьей серий, осуществлявших охрану Базы и всегда готовых предстать перед профессором по первому его зову. Там же находился так называемый детский сад – отделение, где проходила начальная, самая длительная, стадия генезиса.

Охранная система Базы была оснащена по последнему слову техники. Телевизионная система включала в себя малогабаритную телевизионную передающую камеру КТП-216, находящуюся в прочном герметичном корпусе со встроенными светильниками, обеспечивающими работу камеры в затемненных условиях за счет дополнительной подсветки; малогабаритное видеопросмотровое устройство ВП11В117; сетевой блок питания БП-422; блок питания БП-427, работающий на аккумуляторной батарее; устройство спуска-подъема и поворота камеры в воде, что позволяло обнаружить подводные объекты размерами не менее 30 мм. Дальность видения подводной телевизионной системы достигала 0,6 Зб.

В распоряжении Базы был штат так называемых боевых пловцов, располагавших разнообразным арсеналом подводного оружия. Они обеспечивали разведку в радиусе пяти километров от Базы.

У каждого боевого пловца имелся подводный пистолет СПП-1 и автомат АПС, противодиверсионный комплекс ДП-64, а также многоствольный реактивный гранатомет МРГ-1.

Пистолет СПП-1 с четырьмя гладкими стволами, попарно закрепленными в один блок, имел самую совершенную конструкцию. Дзержинец по праву гордился таким уникальным приобретением. СПП-1 был оснащен самовзводным ударно-спусковым механизмом, позволяющим моментально открывать огонь. Выстрелы производились поочередно из каждого ствола. Каждый пистолет был укомплектован десятью обоймами для патронов. Примечательно, что Дзержинец после тщательного изучения российских и зарубежных моделей отдал предпочтение отечественным, справедливо сочтя их гораздо более эффективными.

Что же до подводного автомата АПС, то это оружие попросту не имело аналогов за рубежом. По своим габаритам он уступал автоматам общевойскового назначения, но в воде действовал безотказно. Стрельба могла вестись короткими очередями – от трех до пяти выстрелов, и длинными – десять, а также одиночными.

Разумеется и патроны для пистолетов СПП-1 и автоматов АПС были особенными, предназначенными исключительно для использования в подводных условиях. Их уникальность заключалась в пуле большого удлинения. На предельных дальностях стрельбы в воде такое подводное оружие могло пробить оргстекло толщиной 5 мм.

Еще одной гордостью Дзержинца был противодиверсионный комплекс, состоящий сорокакаптитимиллиметровый ручной гранатомет с фугасной гранатой ФГ-45 и сигнальной гранатой СГ-45. Цель поражалась фугасной гранатой с радиусом поражения до четырнадцати метров. Уничтожение объекта достигалось не за счет действия поражающих элементов, таких как осколки, шарики и т. п., а посредством создания мощнейшей акустической волны. Сигнальная

же граната служила для обозначения местонахождения обнаруженного объекта, подлежащего уничтожению.

Перед началом стрельбы взрыватель механического типа, расположенный в носовой части ФГ-45, устанавливается на глубину срабатывания. При достижении заданной глубины происходит подрыв взрывчатого вещества. Уничтожение диверсанта осуществляется не за счет действия поражающих элементов (осколков, шариков и т. д.), а за счет создания мощной акустической волны. Радиус поражения – около 14 метров. Для обозначения местонахождения обнаруженного боевого пловца используется сигнальная граната.

База оснащалась гидроакустической аппаратурой четырех видов, каждый из которых предназначался для определенных целей. Гидроакустическое устройство „AN/PQS-1C“ работало в двух режимах: поиск и обнаружение подводных объектов и обнаружение сигналов маркеров с определением направления на них. Аппаратура второго вида – „Disersom“ – предназначалась для обнаружения сигналов маяков – маркеров и обеспечения звукоподводной связи. Аппаратура „SRS“ служила для выхода боевых пловцов на маркер. Система „AN/PQC-2“ предназначалась для звукоподводной связи.

Было и еще множество всевозможных „примочек“, в частности пуленепробиваемые стекла, которыми была огорожена вся База, а также минные заграждения, устроенные на подступах к ней.

Секретчик при всей своей проницательности никак не мог предположить, что База оснащена столь совершенной охранной системой. По этой причине он послал на разведку всего лишь одного человека. По разумению Секретчика, опытного подводника, вооруженного высокотехнологичной видеокамерой и двумя пистолетами было вполне достаточно. Но он просчитался.

Степанов как находился в своей лаборатории, когда его ассистент Тихомиров прибежал с сообщением о том, что в районе Базы обнаружен человек. В течение нескольких минут они наблюдали за действиями разведчика.

– Нужно немедленно его уничтожить! – сказал Степанов.

– Не кажется ли вам, – возразил вечно осторожничающий ассистент, – что сначала следует поставить в известность полковника?

– Пока мы будем связываться с Москвой, – он преспокойно заснимет на камеру нашу Базу и будет таков. Вы представляете себе, как на это отреагирует наш куратор?

– А вдруг, это его человек? – предположил Тихомиров.

– Исключено! – решительно заявил Степанов. – Дзержинец никогда не стал бы без предупреждения посылать сюда разведчиков. Он не хуже и даже лучше нас знает, какая здесь охранная система. Что-то не похоже, чтобы разведчик знал о минах. На мой взгляд он передвигается, как человек, не имеющий представления о схеме минирования. Удивительно, что он до сих пор еще не подорвался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.